

Kalina

ДАРЬЯ КАЛИНИНА

**ВЕНИК
АЛЫХ РОЗ**

СЕК ЕТЫ
ДАМСКОЙ
ОХОТЫ

Дарья Александровна Калинина
Веник алых роз
Серия «Сыщицы-
любительницы Мариша и Инна»

текст получен от правообладателя
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161347

Аннотация

Хороша же юная Офелия в бальзаковском возрасте! Нет, вы не то подумали! Просто приме, играющей роль невинной девицы, уже перевалило за сорок. Актриса Галочка голову сломала, изобретая способы избавиться от конкурентки и занять ее место. Что, конечно, нелегко: перезрелой красотке покровительствуют богатый банкир и главный режиссер театра. Одна надежда на подругу Маришу. Может быть, она как-то повлияет на автора следующей пьесы и тот откажет в главной роли тучной особе с одышкой. Ну а если и это не получится, тогда мадам Тумбу остается только убить! Провидение сочло такое решение наиболее остроумным, и прима скончалась от яда прямо на глазах у изумленной публики...

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	25
ГЛАВА 3	48
ГЛАВА 4	74
ГЛАВА 5	98
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Дарья Калинина

Веник алых роз

ГЛАВА 1

Огни рампы медленно гасли, постепенно погружая зал в полумрак. По рядам зрителей пронесся шелест трепетного предвкушения, шорох закрываемых программ. А затем зал замер, все выжидательно уставились на сцену, пока еще закрытую тяжелым бархатным занавесом. Но вот из оркестровой ямы раздались первые вступительные такты музыки, зрители вздохнули свободней и позволили себе слегка расслабиться. Действие началось, теперь можно спокойно сидеть в мягком кресле и наслаждаться представлением.

Но в зрительном зале сегодня был один человек, который пришел сюда не из любви к высокому искусству. И этим человеком, выпадающим из общей массы театралов, была рослая блондинка с густой гривой вьющихся волос, пышными формами и решительным взглядом из-под чуть нахмуренных бровей. Звали ее Маришей. Заядлой театралкой она никогда не была, и посещение театра в ее жизни было событием исключительным.

– Когда же они начнут? – нервно пробормотала она, таращась на пустую сцену. – Если у них времени навалом, то у

меня его вовсе нет.

Она посмотрела на часы – действие уже давно должно было начаться. Ан нет! Занавес, правда, подняли, но никто из актеров пока что не торопился успокоить нетерпеливо ерзающую на своем стуле Маришу. Юбка ее выходного платья буквально трещала от соприкосновения с бархатной обивкой. Но девушка ничего не замечала. Впрочем, Маришу можно было понять. Она пришла на спектакль исключительно по просьбе своей очень хорошей знакомой, играющей сегодня. А так ноги ее не было бы в этом театре.

Почему? Да потому, что ее ждал потрясающий, сногшибенный брюнет, с которым Мариша познакомилась только вчера. Он томился, предвкушая их встречу, о чем сообщал Марише, присылая ей ежечасно по коротенькой эсэмэске. Но увы, взять его сегодня с собой в театр Мариша не могла, ведь она пришла сюда не развлекаться, а, как уже говорилось, по делу.

– Умоляю, приходи! – заклинала Маришу Галина – та самая ее хорошая знакомая и по совместительству актриса Театра драмы, в зрительном зале которого сейчас и изнывала от нетерпения Мариша. – Завтра после спектакля все решится. И ты мне нужна для морального подавления.

– Вот уж не думала, что ты так ко мне относишься! – надулась Мариша. – Когда это я тебя подавляла?

– Ой, Маришечка! Ты не поняла! – заволновалась Галина. – Ты будешь подавлять не меня, а нашу приму!

– А зачем? – оттаяла Мариша. – Зачем мне ее подавлять?

– Потому что она жуткая гадина! – прояснила ситуацию Галина. – И дура в придачу! Представляешь, бабе за сороковник, а она в каждом спектакле играет юных дев. Видела бы ты нашего бедного Ромео, когда появляется его возлюбленная! Несчастливого парня всего перекашивает! Какая уж тут любовь. Зритель только и ждет, когда парень наконец соберется с духом и удерет от этой особы, годящейся ему в матери. И на этом фоне его смерть даже не кажется никому особо трагической. Все понимают, что для парня это просто выход из положения. Не жить же ему век с такой тушей. Тем более что дело уже зашло так далеко, а разводы в Италии до сих пор не приветствуются.

– А почему же ей позволяют играть роли, на которые она совсем не годится? – удивилась Мариша.

– Так наш режиссер полностью у нее под каблуком! – с досадой воскликнула Галя. – Он же ее любовник.

Мариша задумчиво покусала губы. Насколько она помнила, лично ее любовники далеко не всегда стремились ей во всем угодить. Скорей даже наоборот. Всячески пытались ею руководить и поучать.

– Они вместе уже бог весть сколько лет! – продолжала тем временем Галина. – И, представляешь, он ее во всем слушается. Мне даже иногда кажется, что он просто не понимает, как нелепо выглядит эта тетка на сцене в роли юных девушек. Да она одним своим появлением все трагедии превращает

щает в фарс. Ей только выступить на цирковой арене! Лошадей своей рожой пугать!

– Может быть, ты к ней несправедлива? – позволила себе предположить Мариша.

– Вот завтра придешь, согласишься ее в «Гамлете» и сама убедишься!

– Ну, предположим, – со вздохом согласилась Мариша. – Я приду. И допустим, она мне не понравится. Но чем я могу тебе помочь? Что я должна сделать? Отбить у этой особы режиссера?

– А это мысль! – воскликнула Галя. – Как это я сама о таком варианте не подумала? В самом деле, можно бы и отбить. Но это на крайний случай.

– Почему?

– Потому что у этой заразы есть и еще один любовник! – с еще большей досадой отозвалась Галя. – Богатый до жути. И он нашего режиссера в кулаке держит. Как он ему скажет, так тот и делает. Сама понимаешь, денег-то театру на постановки государство с гулькин нос выделяет. Вот и приходится под разных спонсоров прогибаться.

– Постой, получается, у этой вашей примы целых два любовника, которые друг о друге знают, да при этом еще и сотрудничают и продвигают общую любовницу на главные роли? – изумилась Мариша. – А как же здоровая мужская ревность?

– Сама не понимаю, – вздохнула Галя. – Но факт остает-

ся фактом. С тех пор, как я пришла в этот театр, они каждый вечер по очереди отвозят ее после спектакля домой и, думаю, по очереди остаются у нее на ночь и пользуются ее благосклонностью.

– Какие-то просто удивительные отношения, – усомнилась Мариша. – Может быть, ты что-то путаешь?

– Да ты что! Я в этом театре пятый год работаю! Уже успела все сплетни узнать. Наша костюмерша просто кладезь в этом плане. Уж если ей что-то о ком-то неизвестно, значит, этого нет в природе. Так вот, наша Юленька утверждает, что прима спит с обоими.

– А кто ее второй любовник?

– Банкир, – пожалала плечами Галина. – Да какая тебе разница? Главное, что он финансирует спектакли, в которых эта кляча играет главные роли. И ладно бы играла дам бальзаковского возраста, так нет же! Все юных девиц норовит изображать.

– Она что же, так хороша собой? – поинтересовалась Мариша. – Все же удержать при себе двух таких любовников не каждая сумеет. Особенно если тебе за сорок.

– А вот приходи завтра, и сама увидишь собственными глазами, какое это чудо, – хихикнула Галина. – Поверь мне, не пожалеешь.

– Пожалуй, – задумалась Мариша, помимо воли ощущая, что ее начинает тянуть на спектакль. – Пожалуй...

– Вот и отлично! – обрадовалась Галина. – Билет я остав-

лю тебе в кассе. Начало в семь! Не опаздывай. Я очень на тебя надеюсь.

– Послушай! – спохватилась Мариша. – Ну приду я, пойму, что ваша прима не подарок, а дальше-то что?

– Послезавтра у нас решительный день, – сказала Галина. – Должно решиться, кто будет играть главную роль в новом спектакле. Завтра вечером последняя возможность что-либо изменить. Послезавтра утром уже ничего не попишешь. Если режиссер решит, что играть главную роль будет снова она, то ее остается только убить. Шучу, разумеется!

– И что можно изменить, если ты сама говоришь, что ваша прима держит режиссера под каблуком?

– А то, что ставится пьеса одного молодого автора. С ним могут посчитаться. Я с ним уже говорила, он в ужасе от нашей мадам.

– Сомневаюсь что-то, – вздохнула Мариша. – Да этого юного автора просто отодвинут в сторонку и возьмут для постановки другую пьесу у другого автора, посговорчивей.

– Э, нет! – протянула Галина. – Мальчик-то не простой. То есть сам по себе он пока ничего еще собой не представляет. А вот его папа – человек влиятельный. Собственно говоря, и пьесу выбрали исключительно ради папы. Так что автор не простой, а любимый сыночек спонсора. Плохо, конечно, что мальчишка совсем зеленый. И малость мямля, если начистоту. Прима-то ему решительно не нравится, но вот сможет ли он отстоять свое мнение перед режиссером – это еще

большой вопрос.

– Так, а что от меня-то нужно? – простионала Мариша.

– Понимаешь, этот юнец обязательно явится завтра на спектакль, – выдала свой козырь Галина. – А сама я не смогу сидеть с ним рядом. И никто из наших не может. Все заняты в спектакле. Поэтому придется тебе его попасть.

– И как? – поинтересовалась Мариша. – За руку я его должна держать? Или сопли вытирать, когда он плакать начнет?

– Какие сопли? Мальчику уже под тридцать. И он вполне сформировавшийся недотепа. И эта его пьеса, скажу тебе честно, жуткая дрянь. Но наш режиссер – он гений. И даже любую мерзость может превратить в конфетку. Учти, за Руслана нужно держаться обеими руками. Такой шанс больше не представится.

– Согласна. Но моя-то роль какова? Вцепиться обеими руками и следить, чтобы он не сбежал, когда увидит вашу приему?

– Не так же буквально, – усмехнулась Галина. – Ты должна просто время от времени, когда эта колода появится на сцене, отпускать ехидные реплики. Поверь, это будет совсем не трудно. Тебе даже не придется кривить душой. Талант, если он у нее в молодости и был, теперь заплыл жиром. И уж точно в роли юной Офелии дама выглядит карикатурно. Потом намекни, что подобный подбор актеров способен загубить любую пьесу. И главное, опиши ему поярче успех, ко-

торый ждет драматурга даже после единственного удачного спектакля. Опиши ему овации зала, толпы восторженных поклонниц и...

– Ясно, ясно! – перебила ее Мариша. – Можешь не продолжать. Мысль я уловила. Лучше скажи, этот автор, он что, такой урод?

– Почему? – растерялась Галя.

– Ну раз ты мне его сватаешь, значит, тебе он не приглянулся, – ответила сообразительная Мариша.

– Во-первых, у меня есть любовник, – ответила Галина. – А во-вторых, он мне как раз приглянулся. Поэтому я его тебе и предлагаю. Что же, я для подруги должна только самый отстой подсовывать? Хорошего же ты обо мне мнения!

– Ладно, не обижайся, – сдалась Мариша, воспрянув духом. – Значит, он симпатичный?

– Еще какой! – воскликнула Галя. – Загляденье. Брюнет, между прочим. Ты же любишь брюнетов?

– Обожаю, – призналась Мариша. – Особенно после моего последнего муженька, рыжего, как костер. И ты права, как раз сейчас у меня такой период – чем больше вокруг меня будет брюнетов, тем легче я его переживу.

– А что такое? – немедленно, как и полагается подруге, озаботилась Галина. – У тебя неприятности?

– Не скажу, что неприятности. Но мы со Смайлом решили расстаться, – угрюмо ответила Мариша.

– Навсегда?! – ахнула Галина, для которой развод пред-

ставлялся чем-то вроде конца света.

– Пока на месяц, но думаю, что через месяц или даже через год вряд ли что-то изменится.

– А что случилось? – еще больше заволновалась Галина. – Вы же с ним душа в душу жили...

– Мы? – поразились Мариша. – Ты что, в самом деле так думаешь или издеваешься? Мы же с ним ссорились по десять раз на дню. А в последнее время я стала замечать, что меня бесит в нем абсолютно все. Понимаешь? Это был совершенный ад. Что бы он ни сделал, все было не так. И в конце концов это ему надоело, он обиделся и ушел, сказав, что дает мне время подумать. А если и через месяц разлуки я не пойму, какое сокровище упустила, то могу пенять на себя. Он навязываться не привык.

– У тебя кто-то был в то время? Какой-нибудь мужчина?

– Нет, – покачала головой Мариша. – Дело не в этом. Думаю, что проблема была с самого начала, просто из-за безумной страсти мы ее не замечали. Но теперь я вспоминаю, что меня и прежде коробило от его привычки всюду разбрасывать свои засохшие носки, которые впору посылать в Австралию аборигенам в качестве новой модели бумерангов с убийственным запахом. Если кенгуру таким носком по башке и не стукнет, то запахом уж точно с ног собьет.

– Все мужики жуткие свинтусы, – заметила Галина. – Мой сейчас ведет себя точно так же. Не стоило так близко к сердцу воспринимать его носки.

– Да если бы одни носки! – воскликнула Мариша. – А горы грязной посуды в мойке, хотя у нас есть посудомоечная машина? Казалось бы, что стоило сразу же ополоснуть тарелку и сунуть ее в машину? Ведь потом в десять раз трудней оттирать от нее присохшие остатки. А забрызганный жиром до потолка кафель, который приходилось оттирать мне, пока Смайл, поджарив две порции картошки, отдыхал от трудов праведных у телевизора? Он-то эту картошку за пятнадцать минут жарил, а мне потом кафель, пол и плиту от застывшего жира по часу чистить приходилось. А кофе, которое он по утрам варил для меня только первый месяц нашей совместной жизни? Потом у него уже не было сил дотащить кофе до спальни. А последнее время и вовсе стал варить кофе только для себя одного. А его постоянные отлучки, когда он просто забывал предупредить меня о том, где он и с кем он. В результате я волновалась. Да еще эти самолетики.

– Какие самолетики? – заинтересовалась Галя.

– Модели самолетов, которые Смайл мастерит своими руками, – неохотно отозвалась Мариша. – Сидит над ними часами. На улице жара, все нормальные люди едут на природу, жарят шашлыки, купаются, загорают, а этот сидит сиднем у своего стола и знать ничего не хочет.

– Выходит, когда он был дома, то тебя раздражал, а когда уходил, ты тоже бесилась?

– Говорю же, что жизнь стала совершенно невыносима. И ты знаешь, другие слезы льют, когда с мужчиной расстаются,

а я бы хотела выжать из себя хоть пару слезинок, так нет! Не получается. Никакого отчаяния не испытываю, одно огромное облегчение.

– Так зачем тебе тогда куча брюнетов? – удивилась Галя.

– Боюсь, что моя эйфория вдруг кончится. Проснусь ночью, а рядом никого. Это ведь я такая довольная, пока мы с ним еще толком ничего не решили. Пока я думаю, что это все вроде отпуска. А если это не так? Если мы никогда, представляешь, никогда не будем больше вместе? Ужас! Вот на этот случай мне и нужно позаботиться о возможно большем количестве брюнетов возле меня. Впрочем, блондины, шатены и лысые тоже сойдут. Только рыжих попрошу не беспокоиться. Мне кажется, что я теперь в каждом рыжем парне буду до конца жизни видеть Смайла.

– Да, подруга, – пригорюнилась Галина. – Сочувствую. Тогда, знаешь, обязательно завтра приходи. Поваришься в наших закулисных интригах, мигом все мысли о собственных проблемах из головы вылетят.

– Значит, говоришь, этот Руслан и в самом деле симпатичный? – уже успокаиваясь, уточнила еще раз Мариша. – Что же, ладно. Грех отказываться от такого удобного случая познакомиться с богатым наследником, да еще и красавчиком. Приду!

– Спасибо! – обрадовалась Галя. – Я знала, что могу на тебя рассчитывать. Только учти, что за время спектакля ты должна так влезть в душу к этому парню, чтобы к концу ты

могла пройти с ним за кулисы.

– Зачем?

– Так самого главного я тебе что, не объяснила? – воскликнула Галя. – Завтра после спектакля мы поставим режиссера перед фактом: либо наша прима получает не главную роль, а довольствуется скромной ролью тетушки – есть там такая тетушка, – сочла нужным пояснить Галя, – роль второго плана как раз по ней, либо мы все отказываемся играть. Пусть полностью набирает новый состав труппы.

– Так вы собираетесь устроить забастовку? – осенило Маришу.

– Надеюсь, до этого не дойдет, – сказала Галя. – Думаю, все образуется. И режиссер поймет, что сейчас не прежние времена. И наша прима должна потихоньку готовить себе смену и позволять молодым и перспективным актерам проявлять себя. Иначе театр может вообще закрыться.

– Думаешь, поймет?

– Наш режиссер мужик неглупый, – заверила ее Галя. – А если еще и Руслан свое слово скажет, а ты уж постарайся, чтобы он его поэмоциональней сказал, так вот, если все пройдет гладко, то я наконец получу главную роль.

И Галя закружилась по комнате, излучая оптимизм и уверенность, что теперь, когда Мариша с ней, все будет в порядке. Когда она ушла, Мариша прошлась по ставшей после ухода Смайла какой-то пустой и огромной квартире. Хотя ей это только казалось. Ничего из вещей Смайл с собой не забрал.

Только свою коллекцию самолетиков и личные вещи. Но тем не менее квартира казалась Марише какой-то заброшенной. Даже кожаный диван, стоящий в холле, излучал немой укор в адрес хозяйки, которая выгнала любимого хозяина из дома.

Мариша поспешно побрела прочь от него и скрылась на кухне, решив приготовить себе кофе. Но тут вспомнила, что последний скандал разгорелся как раз из-за того, что оба они забыли купить кофейные зерна. Так что кофе до сих пор в доме не было. Мариша печально уставилась на заварочный чайник с зеленым чаем, который обожал Смайл. Сама Мариша могла пить этот терпкий горьковатый напиток только с восточными сладостями. Тогда горечь зеленого чая прекрасно нейтрализовала приторный вкус рахат-лукума и халвы и его можно было как-то терпеть. Но сейчас из сладкого в доме оставалась только маленькая и превратившаяся в камень сливочная колбаска. Мариша уже подумала, не сходить ли ей в кафе, как вдруг раздался телефонный звонок.

– Алло! – произнес приятный голос ее брюнета. – Скучаешь? Как ты смотришь на то, чтобы попить сейчас кофе?

Поразившись про себя совпадению их желаний, Мариша тут же усмотрела в этом промысел свыше и согласилась. Разумеется, согласилась она не сразу. Еще не хватало сразу же соглашаться! Так всех поклонников недолго потерять. Поэтому целых пять долгих мучительных минут она колебалась, придумывая несуществующие предлоги, чтобы не показаться слишком уж доступной. Но в конце концов сдалась

на милость обрадованного брүнета.

– Что плохого в том, что мы выпьем по чашечке кофе? Вполне невинное занятие, – бормотала она себе под нос.

Но к чашечке кофе прибавилась рюмочка ликера, а потом и бокал коньяка. После третьего бокала Мариша почувствовала вдруг необыкновенную приязнь к ее брүнету, у которого было удивительное имя – Эвклид (его предки были греками). С каждой минутой Эвклид нравился Марише все больше и больше. Она с огромным трудом удержалась, чтобы не пригласить его завтра с собой в театр. Но все же здравый смысл пересилил. Какой смысл тащить с собой Эвклида, ведь в театре ее будет ждать еще один брүнет.

– Мариша, я сгораю от любви к тебе, – страстно бормотал Эвклид, когда они, с трудом попав в дверь, все же вышли из кафе, сопровождаемые изумленным взглядом официанта, на глазах у которого они выпили на двоих пол-литра двенадцатилетнего «Наполеона». – Будь моей девушкой! Умоляю!

«Может быть, черт с ним, взять его завтра с собой в театр? – снова промелькнула у Мариши мысль. – Симпатичный, богатый, зачем мне кто-то еще?»

– Ну, я не знаю! – захихикала совершенно пьяная Мариша. – А вдруг ты меня обманываешь? Вдруг ты меня совсем не любишь?

– Я?! – вознегодовал Эвклид. – Мы, греки, никогда не лжем! Особенно когда дело касается любви.

– Ну да, – развеселилась Мариша еще больше. – Чем же

вы хуже других?

– Я не хочу говорить обо всех! – пылко воскликнул Эвклид. – Я хочу говорить о нас с тобой, Мариша. Ответь, а ты меня любишь? Или хотя бы я тебе немного нравлюсь?

И когда Мариша как раз по всем правилам охмурения кавалеров собиралась ответить, что пока он ей симпатичен, но не более того, а затем под каким-нибудь благовидным предлогом избавиться от настойчивого поклонника, она увидела нечто, что поразило ее в самое сердце. Да что там сердце! Почки, печень, желудок и мозг были одинаково поражены увиденным. Весь организм Мариши замер, пока в нескольких метрах от кафе, из которого они только что вышли, Смайл помогал вылезти из своей машины девице с такими длиннющими ногами, что казалось, им конца не будет. Когда девица все же вылезла благополучно из машины и закачалась на своих ходулях, напоминая неуверенного молодого жирафа, а Смайл весьма недвусмысленно обнял ее за талию, Мариша наконец ожила.

Сначала она ощутила дикую злость. Вот оно как! Не успел уйти, как уже шляется с какими-то длинноногими макаронинами. Да где его глаза? Что в ней хорошего? Глиста, чистая глиста. Длинная, без малейших выпуклостей, белесая, лицо можно рассмотреть только благодаря килограммовому слою румян, помады и туши. И что мужчины находят в подобных клячах? Видеть рядом с этой девицей родного мужа было тяжело вдвойне. Выходит, все эти годы он с Маришей

ловко имитировал любовь и восхищение? А на самом деле ему нравятся вот такие дылды, за которых даже подержаться негде. И за что ей это? Побить его, что ли? Или ее? Или их обоих?

Но затем Мариша поняла, что этим поставит себя в смешное положение. Нет! Этот тип, ее бывший муж, ни за что не должен знать, как ей больно. Пусть думает, что у нее все тоже прекрасно и она великолепно проводит время и без него.

– Эвклид! – страстно возвала Мариша к своему спутнику. – Лобзай меня! Скорей!

– Что? – испугался тот. – Прямо здесь?

Видя, что поклонник медлит, Мариша взялась за дело сама. Эвклиду деваться было некуда. Мариша страстно обвила его руками и с удовольствием запечатлела первый поцелуй на его губах. Эвклид странно дернулся, а потом сграбастал ее в объятия и, войдя во вкус, тоже принялся целовать. Делал он это очень умело, Мариша прямо разомлела в его руках, как вдруг...

– Мариша! – раздался гневный голос прямо у нее над головой. – Что ты себе позволяешь?

Мариша повернулась и слегка затуманенным от коньяка и страсти взглядом уперлась в физиономию своего родного и пока что законного мужа.

– Это ты, – констатировала она без всякой радости. – Привет!

– И это все, что ты можешь мне сказать?! – вознегодовал

еще больше Смайл. – Что это такое? Мне помнится, мы собирались провести время в раздумьях о нашей жизни. А вместо этого ты целуешься на улице с каким-то подозрительным типом. Он хоть кто?

– Он грек, – заявила пьяная Мариша с непонятной гордостью. – Эвклид.

– Это еще не повод, чтобы тебе целоваться с ним, – строго заметил Смайл.

– Кто бы мне это говорил? – смерив выразительным взглядом его тощую блондинку, зашипела Мариша, причем шипение поразило в первую очередь ее саму.

Что такое? Она превращается в гадюку? Или того хуже, в кобру? Или удава? О, ужас!

– У нас со Светочкой серьезный повод для встречи, – все же изрядно смутился от ее шипения Смайл. – Мы идем слушать музыку в Капеллу.

Вот как! Ради Мариши Смайл свою задницу от дивана уже три месяца не отрывал. А ради смазливой тощей блондинки – пожалуйста, даже в Капеллу готов мчаться. Безобразие! Что же это делается на белом свете! Но в одном Мариша была уверена на сто процентов: такое прощать нельзя никому, даже бывшему мужу.

– В таком случае не стану вас задерживать, всего вам доброго, – холодно попрощалась с ними Мариша.

А затем обняв Эвклида еще крепче, чтобы не дай бог не вырвался в самый неподходящий момент, потащила его

прочь. Но Смайл вовсе не собирался отступить так легко. Он пошел за ними следом. Удивленная блондинка ковыляла за ними следом на своих ходулях, доставшихся ей по недоразумению вместо нормальных человеческих ног.

– Куда вы идете? – допытывался Смайл. – Надеюсь, не к нам домой?

– А хоть бы и так? – обернулась Мариша. – Тебе-то что? У тебя ведь есть кем заняться? Верно?

И она кинула еще один выразительный взгляд в сторону юной блондинки. Тут они вдруг очень кстати оказались возле машины Эвклида. Это был симпатичный глазастый «Мерседес» с личным водителем. И стоил он как десять машин Смайла. Так что получилось очень эффектно. Усадив свою даму в салон, Эвклид сел с ней рядом, водитель, повинувшись приказу, газанул с места, и Мариша могла с удовлетворением наблюдать, как мерзкий Смайл и его тощая блондинка остались стоять в клубах пыли. Но Смайл на этом не остановился. Он перезвонил Марише на мобильник.

– Что ты себе вообразила? – заорал он на жену. – Этот парень тебе не подходит! И откуда у него такая машина? Наверняка проходимец какой-нибудь. Беги от него поскорей.

– Как же! Нашел дурочку! – злорадно ответила Мариша и отключила трубку. – Прости! – обратилась она к Эвклиду. – Ты не заслужил выслушивать все это.

– У тебя трудный период? – спросил у нее Эвклид. – Я понимаю. Не переживай.

И взяв Маришину руку в свои, он произнес, проникновенно глядя ей в глаза:

– Если позволишь, я буду с тобой и помогу тебе выйти из депрессии.

Мариша хотела возразить, что никакой депрессии у нее нет, но тут вдруг на нее навалилась такая усталость, что не было сил даже ответить Эвклиду. Тот воспринял ее молчание за согласие и принялся осыпать поцелуями ее руки, бормоча какие-то сентиментальные глупости. Мариша с легким облегчением заметила, что дальше рук Эвклид со своими поцелуями и признаниями не идет и ответов на свои реплики от нее не ждет. Так что можно было немного покайфовать. Увы, весь кайф ломало воспоминание о предателе Смайле.

Эвклид неожиданно проявил себя галантным кавалером. Проводив Маришу до дверей ее квартиры, он еще раз нежно коснулся губами ее губ и сказал:

– Я позвоню.

Он и в самом деле позвонил уже через минуту после того, как они расстались. А потом звонил, словно сверял часы. Когда он разбудил Маришу сначала в час ночи, потом в три утра, а затем в пять, она не выдержала и взбесилась.

– Эвклид, я и не думаю кончать с собой! Дай же мне выспаться!

После этого звонков не было до одиннадцати утра. А затем все повторилось по второму кругу. Так что Мариша даже обрадовалась, когда пришло время идти в театр и знако-

миться там с очередным брюнетом.

– Надеюсь, хоть этот Руслан будет не таким навязчивым, – бормотала она себе под нос, нервно нанося тушь на левый глаз под неумолчный звон телефонного аппарата.

Звать с собой в театр Эвклида ей теперь совершенно не хотелось.

– Впрочем, я ему все равно благодарна, что он помог мне осадить Смайла! – призналась она Галине, перезвонив той за два часа до спектакля, чтобы убедиться, что в их планах не произошло изменений. – Страшно представить, что бы я почувствовала, если бы он был с этой своей белесой дылдой, а я одна.

– Может быть, тебе ему позвонить? Смайлу, я имею в виду? – предложила Галина. – И поговорить?

– Ни за что! – решительно отказалась Мариша. – С прошлым покончено окончательно. Уверена, что завел он эту белобрысую не за один день. Наверняка она у него была еще в то время, когда мы жили вместе.

– Почему? – изумилась Галина. – Ты же нашла себе Эвклида за один день. А мужчины могут найти девчонку для эскорта и вовсе за один телефонный звонок.

– Не утешай меня, не надо, – горько произнесла Мариша. – Ни за что не прощу Смайла. Нет, нет и нет. Что там Руслан? Он будет?

– Обязательно! – горячо заверила Галина. – Я сделала так, чтобы вы с ним оказались в ложе только вдвоем.

Мариша удовлетворенно кивнула и снова потянулась за косметикой. На встрече с Русланом она должна выглядеть ослепительно! Нельзя допустить, чтобы он понял, какая орава кошек скребется у нее на душе.

ГЛАВА 2

Руслан ожидания, заочно возложенные на него Маришей, оправдал на сто и даже на все сто десять процентов. Во-первых, он был практически единственным из всех мужчин, кто явился на спектакль в строгом костюме, почти смокинге. Рубашка была такой белоснежной, что буквально светилась в полумраке. Равно как и улыбка Руслана. А во-вторых, он был просто вылитой копией сексуальнейшего Майкла – агента первого отдела из сериала «Ее звали Никита». Обнаружив, что помимо него в ложе находится еще очаровательная девушка, Руслан заметно повеселел. И если честно, ему было от чего прийти в хорошее расположение духа.

Уж Мариша постаралась, чтобы выглядеть сегодня очаровательной. Одной пудры и румян пошло столько, что хватило бы на четырех красоток. Впрочем, освещение в театре было приглушенным, так что Мариша с макияжем угадала. Так же, как и с глубоко декольтированным на спине и плечах платьем, позволяющим разглядеть почти все соблазнительные изгибы тела. Так что какой там спектакль! Руслан видел только Маришу.

– Сейчас появится Офелия, – прошептала Мариша, памятуя просьбу Галины и намекая Руслану, что неплохо бы ради разнообразия оторвать от нее свой задумчиво-сексуальный взгляд и посмотреть на сцену.

Руслан предупредению послушно внял и кинул единственный рассеянный взгляд на сцену. Да так и застыл. И его можно было понять. Мариша и сама с трудом удержала на месте нижнюю челюсть, не дав ей свалиться на мягкие, обтянутые красным бархатом перила их ложи. Офелия выглядела потрясающе. Галина, сетуя на происки примы, совершенно забыла предупредить Маришу о габаритах соперницы. И сейчас сцена вздрагивала от тяжелых шагов появившейся там Офелии. Выглядела она весьма впечатляюще. Огромное тело, укутанное в просторные белые одежды, делало ее похожей на тучное привидение, к тому же страдающее одышкой.

Последнее выяснилось, когда Офелия начала свой монолог. Гамлет по сравнению с ней казался таким худосочным, маленьким и жалким, что просто слеза прошибала от сочувствия бедняге. Видать, и в самом деле у бедного принца в голове было неладно, коли он умудрился влюбиться в тушу, превосходившую его по массе живого веса по меньшей мере раза в три.

– Что это? – пролепетал Руслан. Мариша поняла, что до сих пор он тоже не удосуживался видеть приму в роли Офелии. – Что это?..

Зрители, замершие, когда тучная и престарелая Офелия появилась на сцене, теперь с интересом следили за развитием событий. А события развивались. Впрочем, трагическая любовь Гамлета к Офелии не вызвала особого сочувствия у

зрителей. Напротив, Марише показалось, что по залу пронеслось несколько облегченных вздохов, когда стало ясно, что в этом действии она больше не появится на сцене. Также и страдания Гамлета от сумасшествия невесты не вызывали ничего, кроме недоумения, бесповоротно убедив зрителей, что Гамлет явно законченный псих. Другой бы радовался и потирал руки оттого, что его бесценная невеста спятила и под этим предлогом можно ловко увильнуть от свадьбы.

– Боже мой! – прошептал Руслан, вытирая белоснежным платком пот, обильно выступивший у него на лбу. – Это чудовищно! Этому надо помешать! Я даже не представлял, что все настолько запущено. Эта дама способна полностью погубить мою пьесу. А я еще колебался! Какой ужас!

– А что же, вы ее не видели раньше? – удивилась Мариша.

– В полный рост – никогда, – покачал головой Руслан. – Она всегда сидела. И когда сидела, казалась не такой тучной.

– Допустим, фигуру вы не видели, – пожала плечами Мариша. – Но эти пять подбородков. Вы же не могли не заметить их. А ее руки? Они же как окорока. И голос... Если у молодой девушки бывает такой голос, то у нее серьезные проблемы со здоровьем.

– Умоляю! – простонал Руслан. – Не надо! Не продолжайте! Так я и знал, что у меня ничего не получится. Это же катастрофа, если эта дама будет играть в моей пьесе. Да ее ни одна мансарда не выдержит.

– Мансарда? – переспросила Мариша.

– Да, действие происходит во Франции, в мансардах Мон-мартра в среде поэтов и писателей середины девятнадцатого века, – ответил Руслан.

– Что-то такое уже было, – с сомнением произнесла Мариша.

– Когда я написал пьесу, мне тоже так показалось! – с жаром воскликнул Руслан. – Но в конце концов, разве новое – это не хорошо забытое старое?

– Не уверена, что оно так уж хорошо забыто, – пробормотала Мариша, но в этот момент вспыхнул свет. Первое действие закончилось.

В антракте Мариша приложила старания, чтобы Руслан находился исключительно в тех местах, где обсуждали выход Офелии. К счастью, она потрясла всех зрителей. Так что Марише даже не пришлось что-то добавлять от себя. К концу антракта Руслан и сам проникся мыслью, что в его пьесе места для любимой примы режиссера нет и не будет. Во всяком случае, не в ее излюбленном амплуа – юной девиственницы. Во втором действии Офелии полагалось утонуть. Весь зал ждал этого момента с плохо скрытым нетерпением. И дождался. Правда, вопреки классическому сюжету Офелия не утонула. Режиссер проявил некоторую изобретательность. Слегка пошатываясь и постанывая, Офелия появилась на сцене, но, не успев сделать нескольких шагов, она вдруг схватилась за горло, издала какой-то булькающий звук, а потом тяжело рухнула, подняв над сценой небольшие фонтан-

чики пыли.

Мгновение было тихо, а затем зал разразился аплодисментами. Однако находящийся в это время на сцене Гамлет выглядел каким-то растерянным. Сначала он, как и полагается, кинулся к телу возлюбленной, а затем смешно заметался по сцене из одного конца в другой. Зрители закончили хлопать и теперь покладисто ждали, когда наконец герою надоест заниматься фитнесом и он заговорит. Но вместо этого на сцене появились два дюжих гвардейца с алебардами, которые с огромным трудом волоком потащили тучное тело Офелии за кулисы. Только после этого Гамлет выразил сожаление по поводу смерти подруги. Дальше спектакль пошел своим чередом.

На поклон прима вместе с другими актерами не вышла, что заставило Маришу слегка призадуматься. Похоже, она не собиралась сдавать свои позиции без боя. Мариша покосилась на Руслана и тяжело вздохнула. Увы, парень при всем своем лоске и папочке с тугим денежным мешком не производил впечатления волевой личности, способной отстаивать свое мнение с пеной у рта. Кажется, он не был вполне уверен в своих силах.

«Если отпустить этого птенчика одного, они его еще убедят, что полнота только красит женщину, – решила про себя Мариша. – Будет нелишним проконтролировать ситуацию».

И когда Руслан робко спросил ее, не согласится ли она пройти с ним за кулисы, она тут же охотно согласилась. За

кулисами царила жуткая суматоха. Мариша, которая никогда прежде не бывала в подобной ситуации, думала, что так и должно быть. Но Руслан то и дело вертел головой по сторонам.

– Что случилось? – наконец не выдержал он и остановил одного из актеров, пробежавших мимо.

Но тот в ответ лишь махнул рукой и умчался дальше.

– Надо найти Столпова! – сказал Руслан.

Мариша уже знала, что господин Столпов – режиссер постановки «Гамлета», которую они только что имели несчастье просмотреть. Она послушно двинулась следом за Русланом, который неплохо ориентировался за кулисами. В конце концов они нашли кабинет режиссера, но там никого не было.

– Странно, – заметил Руслан. – Наверное, он у Примаковой.

– У кого?

– У актрисы, которая сегодня играла Офелию, – ответил Руслан. – Надо же, как неудачно. Я надеялся перехватить его до того, как он поговорит с ней. Теперь будет в десять раз трудней переубедить его, что нельзя давать этой тучной даме роли молоденьких девушек. Это просто ни в какие ворота не лезет!

Мариша была согласна и твердо заверила Руслана, что она будет полностью на его стороне и окажет ему моральную, а если понадобится, то и физическую поддержку. При мысли

о том, что ему может понадобиться защита от разгневанной его отказом Примаковой, Руслан явно струсил. Но Мариша не дала ему сбежать. У уборной примы, к которой они подошли минуту спустя, похоже, столпился почти весь театр.

– Вот подхалимы, – сердито буркнул вполголоса Руслан. – Ведь понимают же, что она как актриса себя исчерпала, а все равно лезут со своим восхищением. Не дай бог актриса заметит, что кто-то не явился на поклон.

Но люди, собравшиеся у уборной, не выглядели восторженными поклонниками таланта Примаковой. Напротив, на многих лицах читалась откровенная растерянность, а то и страх.

– Разрешите! – протиснулся вперед Руслан, которого сзади подталкивала Мариша. – Дайте нам пройти! У нас дело к госпоже Примаковой.

Люди пошептались, удивленно косясь на Руслана, но расступились. И Руслан с Маришей вошли в уборную актрисы. У входа спиной к ним стоял маленький полный мужчинка, таким оказался режиссер Столпов. Несмотря на звучную фамилию, он выглядел совершенно задавленным жизнью и обстоятельствами пожилым гномом.

– А, Руслан! – вяло отреагировал он на появление молодого человека. – Прости, что так вышло. Но сегодня тебе лучше уйти.

– Почему? Наша Офелия не в духе? – воинственно отозвался Руслан. – Так я вам скажу, что она не будет играть в

моей пьесе.

– Она не будет играть, – подтвердил режиссер со странным выражением лица.

Не ожидавший такой легкой победы, Руслан изумленно вытаращился на режиссера, шевеля губами.

– Она теперь больше вообще нигде не будет играть, – неожиданно разрыдался режиссер. – Потому что она мертва!

– Как? – не понял Руслан. – Это что, шутка?

– Какая шутка! Не та ситуация, чтобы так глупо шутить! – воскликнул Столпов.

Он сделал шаг в сторону и упал в кресло. А Мариша с Русланом наконец увидели тело Примаковой, которое покоилось на просторной кушетке в углу уборной актрисы, которую до сей минуты загораживал собой режиссер. Грим и костюм Офелии с Примаковой до сих пор не сняли. И казалось, что актриса специально оделась и загримировалась по случаю своей смерти.

– Как же так? – растерянно произнес Руслан, глядя на актрису. – Что с ней случилось?

– Сами не понимаем, – развел руками режиссер. – Вы же видели, она упала прямо на сцене. Наверное, сердечный приступ.

– Приступ? А где же врачи?

– Разумеется, мы сразу же вызвали врачей, – кивнул режиссер. – Но это было уже бесполезно. Бедная Нинель... Она умерла на сцене. Ни врачи, ни милиция ей уже не помогут.

И, на мгновение перестав рыдать, режиссер поднял глаза на Руслана и сказал:

– Кстати, милиция вот-вот должна приехать. Так что тебе и твоей подруге лучше уйти, чтобы не оказаться замешанными в эту историю. Твой папа мне бы не простил этого.

– Милиция? – изумился Руслан. – Но при чем тут милиция?

– Не знаю, – устало ответил режиссер. – У врача возникли какие-то сомнения. Он и вызвал милицию. Прости, Руслан, но сегодня я не смогу поговорить с тобой о твоей пьесе. И послушай моего совета, постарайся избежать встречи с милицией.

Но режиссер опоздал со своим предупреждением, потому что в эту минуту в коридоре раздались громкие голоса:

– Разрешите пройти. Милиция.

А затем в уборную вошли два молодых энергичных человека в штатском.

– Что у вас тут? – произнес один из них, быстро осмотревшись по сторонам. – Где тело?

Следом за ними протиснулся человек в белом халате и начал что-то взволнованно шептать ментам, отворачивая одежду на груди и руках Примаковой. Мариша постаралась незаметно приблизиться к ним. Ей это удалось. И она услышала несколько фраз, сказанных врачом.

– Видите вот эти пятна, они у нее на всем теле. Это никак не похоже на обычный сердечный приступ. Можете мне по-

верить, эту женщину отравили.

Мариша стояла достаточно близко, чтобы увидеть темные пятна, отчетливо проступившие на светлой коже погибшей актрисы.

– Та-а-ак! – многозначительно протянул один из ментов.

И развернувшись, он сразу же наткнулся на невозмутимо стоящую у него за спиной Маришу.

– А вам что тут нужно? – возмутился опер. – Кто тут главный?

Режиссер утер слезы и поспешно вскочил из своего кресла.

– Пусть все посторонние покинут это помещение. И распорядитесь, чтобы никто до моего разрешения не покидал сегодня театр, – велел ему мент.

– И зрители? – растерялся Столпов. – Как же я их задержу? К тому же спектакль кончился и половина из них уже давно...

– Не валяйте дурака! – сердито рявкнул на него второй мент. – Разумеется, это распоряжение касается только работников театра и труппы. Их мы должны допросить.

– Но почему... – пробормотал режиссер.

– Позвольте представиться, капитан Моржов, – сказал мент. – В вашем театре произошло убийство, ясно? Вероятно, это сделал кто-то из работников театра. Вот и проследите, чтобы никто из них не покинул театр. Мы должны побеседовать с каждым.

Затем Руслана и Маришу выпихнули из уборной актрисы вместе с режиссером. Тот передал слова милиции столпившимся актерам, что вызвало новый всплеск паники. Хотя Примакову в театре не любили, но ее неожиданная смерть потрясла людей. А когда выяснилось, что ее убили, актеры начали с опаской поглядывать друг на друга, словно не веря, что это сделал кто-то из них, но в то же время начиная осознавать, что, скорей всего, где-то в их рядах затесался убийца.

– Мариша!

Девушка оглянулась и увидела, как сквозь толпу к ней протискивается Галина. Она была еще в гриме и длинном платье. В спектакле она стояла в толпе придворных датского короля и еще не успела переодеться и разгримироваться.

– Пойдем к нам, – позвала Галина Маришу. – Заодно и поговорим.

Галина делила гримерную еще с пятью девушками. Комнатка была совсем крохотная, и в ней стояла тяжелая смесь запахов грима, пота, дезодорантов и пыли. Пока девушки, ничуть не смущаясь присутствием Руслана, переодевались за импровизированной ширмой, состоящей из старого парчового плаща, наброшенного на бельевую веревку, и обсуждали смерть Примаковой, Галина дрожащими руками снимала с себя грим и извинялась перед Маришей.

– Прости, что я втянула тебя в очередную историю с убийством!

Все в театре уже знали, что Примакова скончалась не сама по себе, а кто-то ей в этом помог.

– Ну что ты! Ты же не могла знать, что вашу Примакову убьют именно сегодня, – заметила Мариша. – И вообще, ты не могла знать, что ее убьют, – поправилась она. – И еще хочу тебе сказать, что я теперь новый человек. Убийства меня совершенно не интересуют. Я не была знакома с вашей Примаковой, не была с ней рядом, когда это случилось, так что я ввязываться в расследование не собираюсь.

– Ну да, конечно, – как-то не слишком поверила ей Галина.

– Точно тебе говорю! – с большим жаром произнесла Мариша. – С расследованием убийств я завязала!

– Тебе легко говорить, тебя-то никто в случившемся не заподозрит.

– Разве ты можешь подозревать кого-то из своих коллег? – спросила у нее Мариша.

– Я просто не могу себе представить, что у кого-то в принципе поднялась рука на такое, – произнесла Галина, откладывая в сторону ватный тампон. – Убийство! Бр-р-р! Это так ужасно, что мне просто не верится. Хотя не спорю, многим бы в театре хотелось, чтобы ее не стало. Но вот так... Просто не знаю, кто из наших способен на такую жестокость. Дико становится от мысли, что я могла изо дня в день общаться с убийцей и не заметить готовящегося преступления.

– А может быть, он ничего и не готовил, – заметила одна

из девушек из-за ширмы. – Просто кровь в голову ударила. И он ее – раз! И все.

Мариша готова была поклясться, что девушка произнесла эту реплику исключительно с целью привлечь к своей полюбленной персоне взгляд Руслана. Но тот был словно в трансе и вообще никого вокруг себя не замечал.

– Примакову отравили! – устало произнесла Галина. – Пока мы ждали приезда милиции, я вышла на лестницу, чтобы покурить. Врачи со «Скорой» стояли там же. И я слышала, как эти врачи между собой говорили, что, скорей всего, яд добавили в одну из ее баночек с гримом.

– Почему именно туда? – спросила Мариша.

– У нее на тех участках лица и рук, на которых нанесен грим, появилось какое-то воспаление, – произнесла Галина. – Поэтому они и считают, что яд проник в организм через поры на лице и руках. А что там такое у нее могло быть на лице и руках? Ясное дело, грим! Так что убийство в состоянии аффекта тут никак не подходит. Разве что он таскал с собой яд для других целей. А тут не удержался и подмешал его в грим нашей примы.

– А какой яд? – спросила Мариша и прокляла себя последними словами.

Ну, скажите на милость, с какой стати она вдруг интересуется этим ядом? Ей-то что за дело до него? Ведь пообещала же себе, что не станет больше ввязываться в расследование преступлений. Хватит уже с нее потерь. Сначала муж

испарился. А стоит вмешаться в расследование, испарится и ее собственная безопасность. Вряд ли убийца будет доволен, что его пытаются вычислить. Во всяком случае, те преступники, с которыми Марише приходилось иметь дело раньше, активно возражали.

– Какой яд? – переспросила у нее Галина. – Слушай, но откуда же мне знать?

– А врачи между собой ничего не говорили об этом? – спросил Руслан.

Мариша вздрогнула и посмотрела на парня. Еще один любитель частного сыска. Беда с ними!

– Нет, насчет состава яда это уже эксперты-криминалисты из отдела убийств будут выяснять, – отозвалась Галина и, тяжело вздохнув, снова принялась убирать с лица остатки грима.

– И ведь что странно, – добавила она. – Яд в гриме у нашей Примаковой появился только недавно. Вчера она им пользовалась, и все сошло гладко. Перед уходом она всегда запирает свою уборную. Даже у уборщицы нет ключа от ее гримерки.

– Почему? – удивилась Мариша.

– Понимаешь, у нас некоторое время назад в театре случилась серия краж, – ответила Галина. – Крали деньги, вещи и даже театральный реквизит. Подозрение пало на уборщицу. Ее уволили, взяли на ее место вроде бы порядочную женщину. Кражи прекратились. Но все равно теперь все мы

следим, чтобы не оставлять там ничего ценного. А у Примаковой в гримерке были разные хорошие вещи. И всякие там бутылки с дорогим вином, которое ей приносили поклонники, и подарки.

– Понятно, – кивнула Мариша. – Значит, вчера она после ухода закрыла свою уборную, а сегодня перед спектаклем открыла. И тогда выходит, что отравленный грим мог попасть к ней только в этот короткий промежуток времени. Когда, кстати говоря, она пришла?

– За два часа до спектакля, – пожала плечами Галина. – Она всегда так приходит.

– Постой, а дневная репетиция? – спохватилась Мариша.

– Сегодня Примакова не репетировала, – ответила Галина. – Сказалась нездоровой.

– А на самом деле ее любовник отпускать не хотел, – хихикнула очередная девушка из-за ширмы.

– И ваш режиссер терпел все это? – удивилась Мариша.

– А попробовал бы пикнуть! Живо дотаций на свои постановки лишился бы! – фыркнула еще одна из подружек Галины.

– Хорошо, днем Примаковой в театре не было, и ее уборная стояла закрытой на ключ и, следовательно, недоступной для всех, в том числе и для преступника, – сказала Мариша. – Значит, яд ей подсунули либо вчера вечером сразу после спектакля...

– Это невозможно! – заявила третья из статисток. – Вчера

Примакову сразу же после спектакля у нее в гримерной ждал Климентий.

– Кто это? – переспросила Мариша у Галины.

– Ну я тебе говорила! Ее богатый спонсор.

– А! – поняла Мариша. – И что, никто к ним не сунулся?

– Да ты что! – расхохоталась Галина. – Даже режиссер обходил гримерную нашей примы стороной, чтобы не дай бог не потревожить покой голубков. А когда Примакова уходит на сцену и ее уборная остается пустой, она ее обязательно запирает.

– А не мог ли этот Климентий и подсунуть ей яд? – предположила Мариша.

– Что ты! Он ее боготворит! Каждый месяц предлагает ей руку и сердце.

– Странно, – пробормотала Мариша. – Мне она не показалась таким уж лакомым кусочком. Полна, да и возраст виден даже со сцены.

– Сердцу не прикажешь, – пожала плечами Галина. – Да и он сам тоже не первой молодости.

– Одно слово, хлыщ! – не стала церемониться с характеристикой чужого любовника еще одна девушка. – Вечно пыжится, и рожа такая высокомерная. Никогда слова в простоте не скажет. Но, кроме него, вчера у Примаковой после спектакля точно никого в гримерной не было.

– Выходит, яд ей в грим подсунули сегодня, – вздохнула Мариша. – В течение короткого промежутка времени – от ее

появления вечером в театре и до наложения грима. Следовательно, если мы узнаем, кто был у нее сегодня в примерной, мы узнаем и имя убийцы.

Галина хотела что-то возразить, но не успела. В дверях появился дрожащий режиссер и указал рукой на девушку. За его спиной стоял капитан Моржов и внимательно смотрел на Галину. Нельзя сказать, чтобы его взгляд отличала особая теплота.

– Вот наше молодое дарование, – пролепетал режиссер. – Можете с ней поговорить!

– В чем дело? – выпрямилась во весь рост Галина.

– У следствия к вам есть несколько вопросов, – произнес капитан. – Не возражаете?

– Прошу вас, – отозвалась Галина.

Капитан вошел в комнату, в которой и без того мухе некуда было сесть, и почти уперся в Галину.

– Вы заходили сегодня перед спектаклем в уборную гражданки Примаковой? – спросил он у Галины.

Услышав этот вопрос, девушка заметно побледнела. Это не укрылось от глаз капитана и Мариши. Первый удовлетворенно хмыкнул, а вторая подумала, как жаль, что Галка уже избавилась от толстого слоя грима на лице. Под ним фиг бы капитан заметил бледность девушки.

– Так что? – повторил свой вопрос капитан. – Заходили?

– Да, – едва слышно пролепетала Галина.

– И зачем?

– Примакова сама меня позвала к себе, – ответила Галина.

– Да что вы говорите? – восхитился Моржов. – Вы меня совсем за дурака держите?

– Почему за дурака? – слегка смутилась Галина.

– Перед тем как явиться к вам, я поговорил с вашими коллегами, – объяснил ей Моржов. – И все они в один голос утверждают, что у вас с гражданкой Примаковой были существенные трения производственного характера.

– Не знаю, что вам там наговорили, но я ее не убивала! – воскликнула Галина. – Признаю, меня бесило ее упорное желание играть на сцене молоденьких девушек, что ей никак не подходило ни по возрасту, ни по комплекции. Но это возмущало многих. Да одно появление на сцене Джульетты, под которой пол прогибался, превращало самую трагичную пьесу в обычный фарс! А у нас драматический театр. В комедии Примакова была бы сущей находкой. Но не тут. Все это понимали...

– И вам это в конце концов надоело, и вы решили прекратить ее выступления! – заявил Моржов.

– Еще скажите, что я так люблю наш театр, так переживаю за его репутацию, что убила Примакову, лишь бы она не позорила его и всех нас! – воскликнула Галина.

– Нет, – покачал головой Моржов. – Думаю, что у вас был иной повод, чтобы избавиться от Примаковой.

– И какой же?

– Вам была обещана главная роль в новой постановке, –

сказал Моржов. – И роль как раз молоденькой девушки. Но Примакова, узнав об этом, начала плести интриги, чтобы и эта роль снова досталась ей. А вы, чтобы не потерять роль, просто убили несчастную женщину. Нет Примаковой, никому и отнять у вас роль.

– Глупости! – неожиданно вспыхнул Руслан, выйдя из ступора. – Позвольте представиться, я – автор той самой новой пьесы, в которой Примакова, по вашим словам, нацелилась играть главную роль. Так вот я вам скажу, что после того, как я сегодня увидел ее на сцене, у меня отпали последние сомнения. Я бы костями лег, но Примаковой роль Камиллы не доверил бы. Ее могла сыграть только более молодая и стройная актриса.

– Но вы свое мнение озвучили только сейчас! – немного подумав над словами Руслана, резонно возразил ему Моржов. – Никто, в том числе и убийца, не мог знать вашего мнения заранее. Так что я вынужден повторить свой вопрос к гражданке Розовой. Зачем вы явились в гримерную убитой? Что вам там понадобилось?

– Ничего, – отозвалась Галя. – Она меня сама к себе позвала.

– Сама? – казалось, голубые глаза капитана даже распахнулись от удивления.

– Понимаю, сама была изумлена, когда услышала, – кивнула Галина. – Но тем не менее это так. Мы с Нинель столкнулись на лестнице. И она сказала, что нам нужно погово-

ритель. И пригласила меня к себе. Разумеется, я пошла.

– И что? О чем она хотела с вами поговорить?

– Она извинялась, – отведя глаза, глухо произнесла Галина.

– Перед вами? За что?

– За то, что будет вынуждена отнять у меня роль в новой пьесе, – сказала Галина. – Но, честное слово, я ее не убивала. Мне даже стало ее жаль.

– Жаль? Почему же? Она собиралась отнять у вас роль, а вы ее за это еще и жалели?

И даже Мариша в душе вынуждена была признать, что Галина перехватила.

– Да! Жаль! – выкрикнула Галина, явно не собираясь сдаваться. – Потому что она была такой усталой и несчастной. И она говорила со мной без этой своей обычной надменности и хамоватости. И я даже подумала, что, она в сущности, славная женщина. Она мне сказала, что сама отлично понимает, как нелепо выглядит в роли молоденьких девушек. И понимает, что для нее в театре есть гораздо более подходящие и значительные роли. И она бы с удовольствием играла их. Но не может.

– Что это значит? Не может? Почему не может?

– Этого она мне не сказала, – ответила Галина. – Она только намекнула, что есть обстоятельства, которые сильнее меня и сильнее ее, а поэтому в ближайшие годы мне ролей юных прелестниц не видать. Во всяком случае, не в этом те-

атре.

– И тут вы страшно разозлились и подсунули ей коробочку с заботливо припасенным для нее отравленным гримом! – закончил за Галину Моржов. – Так дело было?

– Да нет же! – воскликнула Галина. – Не скрою, для меня было большим ударом услышать, что и роль в новой пьесе от меня уплывает. Но я возлагала надежды на автора пьесы.

– Я был бы против Примаковой! – тут же снова подтвердил ее слова Руслан. – Категорически! И мне безразличны причины, по которым Примакова играла роли молоденьких девушек. Сама она того хотела, или кто-то ее вынуждал, мне плевать. В моей пьесе ее бы не было!

Моржов в большом сомнении посмотрел на Руслана. Похоже, он не слишком высоко оценивал шансы Руслана против разгневанной Примаковой, дойди дело до открытого столкновения. Затем капитан вновь перевел взгляд на Галину.

– К сожалению, ваши объяснения не кажутся мне в достаточной степени правдоподобными, – заявил он.

– И что? – со страхом спросила у него девушка. – Вы меня арестуете?

– Нет, но я буду вынужден обыскать весь театр, – сказал Моржов. – Мы изъяли весь грим из уборной Примаковой. И теперь, если вы не возражаете, я бы хотел начать обыск с вашей комнатки.

– Пожалуйста! – великодушно разрешила Галина, первой

направляясь к выходу.

Следом за ней вышла Мариша, а Руслана вынесла на себе волна хорошеньких статисток, немолчно щебечущих и изо всех сил жмущихся к симпатичному, а главное, богатому парню. Обыск длился недолго. Уже через пять минут в дверях появился торжествующий Моржов.

– Вот и все! Обыск закончен! – возвестил он.

– Так быстро? – удивилась Мариша.

– Если знать, где искать и что искать, то все можно раскрыть за пять минут, – гордо сообщил Моржов. – Гражданка Розова, как вы объясните, что в кармане вашего пальто мы обнаружили эту баночку?

И он показал ей баночку с каким-то кремом. Она лежала в прозрачном пакетике, и в руки капитан ее не дал. Галя внимательно изучила этикетку сквозь пленку и пожалала плечами.

– Это специальный защитный крем, который наносят на лицо, прежде чем наложить грим, – сказала она. – Иначе к тридцати годам кожа полностью будет испорчена. Но это очень дорогая профессиональная фирма. Я не могу пользоваться такой дорогой вещью. Моих средств хватает только на косметику отечественных производителей.

– Вот как? Но откуда же он в таком случае оказался у вас в кармане?

– Понятия не имею, – развела руками Галя. – Может быть, мне его случайно положили?

– Мне очень-очень жаль, но я вынужден попросить вас

проехать со мной в отделение, – сказал Моржов, холодно глядя на Галину. – По подозрению в убийстве гражданки Примаковой.

ГЛАВА 3

– Но... Но почему? – растерялась Галина. – Что такого в этой баночке?

– В самом деле, – поддержала ее Мариша. – Объясните.

– А я вам объясню, – сердито ответил им капитан. – Объясню! В уборной убитой Примаковой находится именно такая баночка с кремом. И даже фирма-производитель и объем совпадают. Уверен, что либо в этой, либо в другой баночке содержится яд. Кто-то подменил баночку с безобидным кремом на яд. И так как похожая баночка находится именно у вас, гражданка Розова, а также, по словам свидетелей, вы были одной из тех, кто заходил сегодня перед спектаклем в уборную Примаковой, то я вынужден вас задержать.

– Мариша! – воскликнула Галина, кинув на подругу умоляющий взгляд. – Это не я! Мне подбросили этот крем! Честное слово, я не убивала Нинель. Ты мне веришь?

– Верю! – сочувственно кивнула Мариша.

– Тогда помоги мне! – расплакалась Галина. – Не дай им отправить меня в тюрьму. Я не хочу за решетку.

– Раньше надо было думать, – сухо произнес Моржов.

– Но я ее не убивала!

– Гражданка Розова, – строго обратился к ней Моржов, – следствие разберется. И если вы в самом деле не виноваты, то вам нечего бояться.

Но Галка разревелась пуще прежнего. Похоже, она не очень-то надеялась на следствие. И последнее, что услышала Мариша, когда Галину уводили, был ее крик:

– Помоги мне! На тебя вся надежда! Прошу тебя!

Когда Мариша очнулась, рядом с ней в коридоре был только Руслан.

– Какой ужас! – прошептал он. – Неужели бедная девушка в самом деле пошла на убийство только ради того, чтобы получить главную роль?

– Нет, – покачала головой Мариша.

– Ты так говоришь, потому что она твоя подруга?

– Вовсе нет, – ответила Мариша. – Я хорошо знаю Галю. Она очень умная и осторожная. И если бы она пошла на убийство, то не допустила бы такой глупой промашки с этим кремом. Зная, что после убийства в театре может быть обыск, она бы ни за что не оставила в кармане своего пальто такую важную улику.

– И что это значит?

– А это значит, что Галку подставил настоящий убийца! – заявила Мариша. – И мой долг найти и разоблачить его!

– Но ты же говорила, что больше не будешь заниматься расследованиями?

– Я говорила? – изумилась Мариша. – Ах, верно! Говорила. Но это ничего не значит. Ситуация изменилась. И теперь я просто обязана вычислить настоящего убийцу и сдать его в милицию.

– Ого! – восхитился Руслан. – Как ты это замечательно сказала! Просто шедевр! Слушай, а ты никогда не думала заняться писательством?

– До того ли мне? – тоскливо отозвалась Мариша. – Кругом сплошные преступники. Просто, поверишь ли, отдохнуть некогда. Вот думала, хоть сегодня буду наслаждаться прекрасным вечером. И что?

– Что?

– Вместо этого должна распутывать, кому было выгодно убить эту Примакову, – ответила Мариша. – Ладно, Руслан. Пока. Потом поговорим. А сейчас мне очень некогда.

– Постой! – неожиданно остановил ее Руслан. – Мариша, а ты не возражаешь, если я буду твоим оруженосцем?

– Чего? – вытаращила на него глаза Мариша. – Каким еще оруженосцем? Тебя что, теперь потянуло написать балладу об испанском рыцаре без страха и упрека и его верном оруженосце? Так должна тебя разочаровать, об этом уже было написано Сервантесом.

– Нет, нет, – помотал головой Руслан. – Я имел в виду совсем другое. Как ты смотришь, если я буду следовать за тобой, как доктор Ватсон за Шерлоком Холмсом, а потом на материале твоего расследования напишу детективный сценарий, а? Подумай, может получится превосходная вещь для театра. Убийство за кулисами! Звучит?

– Звучит, – кисло призналась Мариша.

– Сейчас все словно помешались на детективах! – радост-

но восклицал Руслан. – А на сцене их почти нет. Одна тягомотина! Да моя детективная новация будет просто обречена на успех!

– Агату Кристи уже много раз ставили на разных сценах, – напомнила ему Мариша.

– Вот я и буду российской Агатой Кристи! – воскликнул Руслан.

Мариша хмыкнула, но напоминать парню о том, что для этого ему придется как минимум сделать операцию по изменению пола, не стала. Хочет быть Агатой Кристи, пожалуйста. В конце концов, живем в свободной стране.

– Значит, решено? – допытывался у нее Руслан.

– Что решено?

– Ты раскрываешь это преступление, а я увековечиваю его на бумаге! – пояснил ей Руслан.

– Знаешь, – произнесла Мариша, – как-то это мне твоя идея не слишком нравится. Неизвестно, что там еще за подробности вылезут. Да и риск. Вряд ли твой папочка похвалит меня, если с тобой что-нибудь случится по моей вине.

В ответ Руслан обиделся. Он надулся и запыхтел, словно пшенная каша, в которой слишком много воды.

Пых, пых, пых!

– Что? – обернулась к нему Мариша. – Что ты пыхтишь?

– Хватит мне глаза колоть моим отцом! – воскликнул Руслан. – Между прочим, я потому и хочу написать хорошую вещь, чтобы стать знаменитым и без его денег! Если бы ты

знала, как мне надоело всюду слышать за собой: «А вот это сынок Рахманова». – «Как? Что вы говорите? Рахманова? Того самого?» – «Ну да! И честно говоря, сам парнишка довольно средних способностей, но его отец ради него...» И дальше – в зависимости от воображения рассказчика. Когда я закончил школу с красным аттестатом, никто даже и не усомнился, что все мои пятерки куплены отцом. Когда я получил красный диплом, все только плечами пожали: мол, чего еще было ожидать при таком-то отце. Потом я пошел работать в одну из фирм отца, и стало совсем плохо. Все, понимаешь, абсолютно все видели во мне не меня самого, а лишь тень моего отца. Если бы ты знала, как это противно, когда в глаза перед тобой лебезят и унижаются, а потом в спину говорят, что я полная посредственность и, не будь у меня такого отца, не видать бы мне кресла заместителя генерального директора. И знаешь, что самое ужасное?

– Что? – спросила Мариша, понимая, что парня прорвало и останавливать его сейчас все равно бесполезно, пусть уж выговорится.

– Самое ужасное, что я и сам начал думать о себе как о посредственности, которая без покровительства отца ни на что не годна.

И Руслан печально поник головой.

– Поэтому для меня очень важно сделать что-то самому! Что-то такое, к чему бы мой отец не имел никакого отношения.

Мариша только вздохнула. Бедный наивный Руслан.

– И я думаю, что если я напишу гениальную вещь, то меня заметят, – закончил Руслан и устремил на Маришу умоляющий взгляд. – Разреши мне наблюдать за твоим расследованием, – попросил он у нее. – Ты ведь возьмешься за него?

– А что мне остается? – раздраженно буркнула Мариша. – Не бросать же Галку в беде!

– Так можно я с тобой? – повторил свой вопрос Руслан.

– Слушай, я тебя должна предупредить, что, возможно, ничего и не получится, – сказала Мариша. – И в любом случае, чтобы найти преступника, нам с тобой понадобится гораздо больше времени, чем потребовалось этому Моржову, чтобы задержать Галку.

– Вот ведь фокусник! – восхитился Руслан.

– Прости, что? – не поняла Мариша.

– Ну как у него это получилось! Раз – и из шкафа появляется готовый преступник, а из его кармана улика!

– Хм... – пробормотала Мариша, задумавшись. – В самом деле, улика появилась из кармана. И вот мне интересно, а кто же ее туда положил?

– Что ты имеешь в виду? – изумился Руслан.

– Ну, не сама же эта баночка с кремом оказалась у Галки в пальто, – пояснила ему Мариша. – И если принять за факт, что Галку подставили, а баночку ей подбросили, то спрашивается, у кого была возможность это сделать?

– У тех девушек, с которыми она делит гримерку? – пред-

положил Руслан.

– У них было полно возможностей подбросить баночку с кремом в карман Галки, – согласилась Мариша. – Они ведь могут входить в свою гримерку без особого разрешения.

– Так что, убийца кто-то из них? – вытаращил глаза Руслан. – Потрясающе! А на первый взгляд казались такими милыми овечками.

– Ха! – мрачно отозвалась Мариша, отлично знающая, что под шкуркой милой овечки очень даже может скрываться свирепая хищница.

А как вы хотели? Чтобы поймать стоящую добычу, приходится маскироваться. Мужчины существа пугливые. Стоит им понять, что за ними ведется охота, как они тут же стараются побыстрее унести ноги.

– Нам надо обязательно поговорить по душам с этими девушками из гримерки Галины, – решила наконец Мариша. – Где их искать?

Девушки нашлись в своей гримерке. Они уже сняли с себя грим и полностью переоделись. И в обычной одежде выглядели какими-то совсем притихшими и пришибленными. Даже появление Руслана не произвело на них должного впечатления.

– Это так ужасно! – произнесла одна из девушек – субтильная блондиночка, увидев входящую в комнатку Маришу. – Вот теперь Галку осудят, а, собственно говоря, за что? Нинель сама виновата, никому не давала жизни. Все выиг-

рышные роли себе и своим приспешникам. И бездарям, чтобы ей конкуренции не составили. Кто она такая, чтобы тут все решать?

– Не директор, это уж точно, – сказала вторая девушка – тощенькая шатенка с большим подвижным ртом.

– Так вы думаете, что Нинель и в самом деле убила Галина? – спросила Мариша.

– Нам не верится, – хором произнесли девушки. – Но вы же сами видели, крем был у нее в кармане.

– А у Галки сроду таких кремов не водилось, – добавила третья девушка, полненькая хохотушка. – Как он мог у нее оказаться?

– Вот именно, – кивнула Мариша. – Как? Вы не думаете, что Галке эту баночку подбросил убийца, чтобы отвести подозрение от себя?

Девушки изумленно переглянулись. Похоже, такое им до сих пор в голову не приходило.

– И кто же подбросил? – спросила блондиночка. – Никого, кроме нас троих и Галки, в гримерке не было.

– Это что же, убийца кто-то из нас троих? – ахнула хохотушка, и в ее карих круглых глазах сверкнул испуг.

– Да брось ты! – отозвалась ее подруга. – К нам в гримерку мог зайти кто угодно. Мы бы и не заметили.

– Вы не закрываете дверь, когда уходите? – удивилась Мариша.

– Да она и не закрывается! – хмыкнула шатенка. – Са-

ми посмотрите! Замок уже месяц как сломан. Завхоз обещал сменить, но так до сих пор руки не дошли.

– Конечно, мы же не звезды! – отозвалась блондинка. – Небось у Примаковой отличный замок стоял. Ну, ей и бояться чего было. Заработки у нее не чета нашим. А наряды какие! А обувь! Украшения! Косметика! Было что заперать.

– Стоп, стоп! – перебила их хор Мариша. – Так ваша комната сегодня оставалась без присмотра?

– Конечно! – хором закричали девушки. – О чем мы вам и говорим. Замок сломан. А мы все были заняты на сцене одновременно. Во время спектакля мы у себя не сидели. Пришли, загримировались, переоделись и вперед. Так что в течение всего спектакля, да и в антракте, улучив подходящий момент, к нам мог зайти кто угодно.

– А кто знает, что у вас дверь не закрывается?

– Да все! – опять же хором отозвались девушки. – Мы такой скандал Семенычу – это наш завхоз – из-за замка позавчера устроили, весь театр слышал.

– Понятно, – тоскливо произнесла Мариша.

Теперь список подозреваемых вырос до гигантских размеров. У всех работников театра и даже просто случайных людей, оказавшихся за кулисами, была возможность подбросить Галине коробочку с кремом. А попасть в театр особого труда не составляло. Как уже имела возможность убедиться Мариша, охрана в театре была представлена одним дряхлым старичком у служебного входа, который рав-

нодушно кивал каждому, входящему в театр.

– И что теперь? – тоскливо спросил у Мариши Руслан, который тоже понял, что число подозреваемых увеличивается в арифметической прогрессии.

– Попробуем подойти к задаче с другой стороны, – ответила Мариша. – Нужно выяснить, кто был сегодня у Примаковой и кто мог подменить крем. Этим займешься ты, Руслан! Считай, что это будет твое первое задание в качестве помощника детектива.

– Но почему я? Вдруг я не справлюсь?

– Справишься. А выбор пал на тебя, потому что тебя в театре хорошо знают, а я человек посторонний, – рассудила Мариша. – И если человеку есть что сказать, то тебе он расскажет охотней.

– Я готов! – тут же вскинулся Руслан, заметно воодушевляясь. – Что я должен спрашивать?

– Кто сегодня был у Примаковой? С кем у нее были особо скверные отношения? Не было ли угроз в ее адрес? Не случилось ли с ней в последнее время чего-нибудь необычного? Одним словом, нас интересует о ней все! Любая информация о госпоже Примаковой и о том, что она была за личность, может пролить свет на поиски убийцы.

Снабженный такими инструкциями Руслан отправился на задание. А Мариша, немного подумав, решила подвалить к режиссеру Столпову. Ей повезло. Он был один. Ну, почти один. Если точно, то Столпов сидел в обществе пузатой ко-

ньячной бутылки и явно заливал свое горе от потери.

– Я же велел всем оставить меня в покое! – рявкнул он на Маришу, когда та сунулась к нему. – Убирайтесь прочь!

Но не на ту напал. Мариша плотно прикрыла за собой дверь, подошла к режиссеру и села напротив него. Столпов находился, на ее взгляд, в весьма перспективном для дружеской беседы настроении. После двухсот граммов коньяка, Мариша знала это по собственному опыту, язык у человека обычно развязывается, и хочется блеснуть красноречием. Мариша твердо решила, что она такую возможность Столпову предоставит.

– Что вам от меня нужно? – устало спросил у нее Столпов. – Видите же, у меня горе.

– Вы так любили Нинель? – сочувственно спросила у него Мариша.

– Любил? – переспросил у нее Столпов. – Да я на нее молился! На ней держался весь театр!

– Как это? Она была настолько талантливой актрисой?

В глубине души Мариша была поражена. Хотя она видела Примакову на сцене всего один раз, но ей не показалось, что игра актрисы заслуживала похвалы.

– Лучше сказать, талантливой стервой! Вот кем она была на самом деле! – развеял Маришины сомнения Столпов.

И тут слова полились из него рекой. Марише только и осталось, что слушать его пьяную исповедь и отделять зерна от плевел. Впрочем, суть была и так ясна. Лет пять назад гос-

поже Примаковой привалило счастье. Ей удалось заполучить в свои любовные тенета одного весьма влиятельного и богатого банкира. Тот слыл меценатом и не жалел денег на спектакли, в которых главные роли получали различные звезды и звездочки, которым посчастливилось привлечь к себе внимание господина Климентия.

– Но в Нинель наш банкир крепко втюрился, – пьяно втолковывал Марише Столпов. – Другие финтифлюшки тоже на него губенки раскатывали, да только никто дольше двух месяцев рядом с ним не удерживался.

– А Нинель?

– Нинель с ним уже почти пять лет, – уважительно произнес Столпов. – Такая женщина знает, как обращаться с мужчинами.

– А что же она замуж не вышла за этого банкира?

Столпов покачал головой.

– Н-не мог он на н-ней ж-ж-ж-ж...

Смысл уже был ясен, но, увы, проклятая буква никак не хотела кончаться.

– Он не мог жениться? – подсказала ему Мариша, сжалившись над мужиком. – А почему?

– Потому что уже ж-ж-ж...

– Женат? – догадалась Мариша. – Господин Климентий женат?

– Да, и развестись он со своей тощей мегерой никак не может, – отозвался Столпов и даже рукой махнул: мол, без-

надежно, пробовал банкир, не выходит ничего у бедняги. – Да Нинель особо и не настаивала на браке, – договорил он.

– М-да? – скептически переспросила у него Мариша. – Не настаивала? В самом деле?

По ее глубокому убеждению, ни одна нормальная женщина, перешагнув тридцатилетний рубеж, не откажется захомутать хоть плохонького банкира, попадись он ей на пути. Тем более что Нинель этот роковой рубеж перешагнула довольно давно. И грех было бы бросаться перспективным женихом только из-за какой-то там вредной жены.

– Вот я Нинель двадцать раз предлагал руку и сердце, – продолжал откровенничать с Маришей Столпов. – А она всегда отказывалась.

– А может быть, она уже была когда-то замужем?

– Кто? – искренне изумился Столпов. – Нинель? Замужем?

Похоже, этот факт его чрезвычайно позабавил. Но Мариша ничего веселого в своем вопросе не усматривала. С чего бы это взрослой женщине не хотеть замуж, хотя бы и за Столпова? Не иначе, как у нее уже был печальный опыт и она опасалась обжечься еще раз.

– Нет, – наконец закончил глупо хихикать Столпов. – Нинель жила совершенно одна. У нее даже родни не было. Сиротка она. В детском приюте выросла.

Он прослезился, а затем речь его стала настолько невнятной, что Мариша поняла: конец близок. Сейчас этот столп

театрального искусства, образно говоря, упадет мордой в салат и надолго затихнет. А она у него так и не выяснила ничего конкретного. Ни адреса этого банкира, господина Климентия, ни его телефона, ни даже имени его жены, которую в данном случае все же не стоило совсем уж сбрасывать со счетов. Мало ли что там Столпов думает об отношениях Нинель и ее банкира. Может быть, Нинель всем трезвонила, что не желает замуж за него, а сама активно склоняла мужика к разводу. В таком случае жене Климентия такой поворот событий мог сильно не понравиться. И она взяла, да и устранила любовницу мужа.

Над этой версией следовало хорошенько подумать. Тем более, что и способ убийства был какой-то женский. Ну в самом деле, яд в креме или в гриме. Мужчины на такое коварство вряд ли способны. Хотя среди театральных встречаются всякие извращенцы. К людям творческим подходить с обычной меркой не следует. Столпов начал засыпать и даже похрапывать.

– Эй! Проснитесь! – потрясла его Мариша.

Но это не помогло. Поэтому Мариша, недолго думая, опрокинула над его головой графин с водой. Холодный душ подействовал.

– Фр-р-р! – замотал головой Столпов. – Что это было?

Столпов пробудился, завертел головой, но так и не понял, почему вдруг ему стало так мокро и неудобно. Зато он слегка протрезвел.

– Я был готов скрасить одиночество моей милой Нинель, но... но она всегда мне отказывала, – склонившись на плечо Мариши, посетовал грустный гном все еще заплетающимся языком. – Такая женщина... Какие спектакли с ее участием и деньгами Климентия мы ставили! Мы даже сшили новый занавес! А теперь что? Что, я вас спрашиваю? Теперь Климентий рано или поздно найдет себе новую протезе. И где гарантия, что эта девчонка будет из моего театра?

В голосе Столпова прозвучало такое отчаяние, что Мариша почти поверила, что он смерти Нинель не только не желал, но даже был готов на руках пожилую приму носить, только бы она и дальше зарабатывала для театра тугую копеечку.

– Ничего, – попыталась утешить его Мариша. – Главное – вычислить убийцу Нинель. И тогда ваш банкир в благодарность за то, что вы нашли убийцу его обожаемой женщины, даст вам еще много денег. Такие услуги не забываются, вы уж мне поверьте.

– Думаете? – уставился на нее режиссер. – А это мысль! Я бы даже сказал, хорошая мысль. Конечно, милиция задержала одну девушку. Сказали, что у нее нашли улику. Но я не верю.

– Нет?

– Нет, – покачал головой режиссер. – Это не она.

– У вас есть основания так думать?

Столпов несколько раз решительно кивнул и вроде бы да-

же почти совсем протрезвел.

– Эта история с ролью в новой пьесе, на которую нацелилась Галина и которую решила не дать ей сыграть Нинель, произошла буквально шесть дней назад.

– И что? – не поняла Мариша.

– Дело в том, что Нинель угрожали раньше! – понизив голос до таинственного шепота, произнес режиссер. – И эти письма стали приходить гораздо, гораздо раньше.

– Да?!

– Почти два месяца шли, – кивнул режиссер. – Или даже больше. Понимаете, я-то знаю, что говорю. Дело в том, что мы с Нинель... Как бы это сказать, в общем, я был ее очень близким другом. И она не скрывала от меня, что озабочена этими письмами.

– Вы их видели?

– Видел и читал, – отозвался режиссер. – И знаете, что я вам скажу? Ничего более отвратительного мне читать не приходилось. Определенно, это писал какой-то псих. Да, я уверен, это писал псих! Ненормальный!

– И что он хотел от Нинель?

– Требовал, чтобы она оставила своего банкира, – ответил режиссер. – Начала вести честную жизнь и призналась бы во всем.

– Призналась в чем?

– Не знаю, – отвел глаза Столпов, и Марише почему-то показалось, что он не вполне откровенен с ней.

– Других требований не было? – спросила она, решив пока не заострять на этом внимания. – Например, чтобы она прекратила играть не подходящие ей по возрасту роли или чтобы вообще ушла из театра?

– Нет, – отозвался режиссер. – Ничего такого. Исключительно угрозы в адрес Нинель, если она не отстанет от Климентия.

– Странно, – задумалась Мариша. – Может быть, это писала его жена.

– Чья?

– Климентия.

– А зачем ей? – недоуменно покрутил головой Столпов.

– Да из обычной бабской ревности! – с досадой на внезапно поглупевшего режиссера воскликнула Мариша. – Не хотела делить мужа с любовницей, вот и угрожала последней.

– Не ее почерк, – покачал головой режиссер. – Мне Нинель принесла несколько на отзыв. И сам Климентий тоже видел письма. Это был почерк не его жены. Нет.

– Так что же! – пожала плечами Мариша. – Могла кого-нибудь попросить!

– Знаете, – вдруг проникновенно произнес режиссер, которому, похоже, наскучил весь этот разговор о письмах. – А вы мне нравитесь!

– В самом деле? – посмотрела на него Мариша.

– Да! – горячо заверил ее режиссер. – Поедемте ко мне! Если хотите, я покажу вам эти письма.

– А что они делают у вас дома? – изумилась Мариша.

– Нинель сама мне их дала! А забрать забыла. Нет, в самом деле. Вы чудесная женщина. Знаете, я не очень люблю женщин, но перед вами я преклоняюсь, – и он в самом деле сделал попытку встать перед Маришей на колени.

Увы, из этого у него ничего не вышло. Вместо эффектной коленопреклоненной позы режиссер неожиданно упал на ковер и затих у ног Мариши, свернувшись в позе эмбриона.

– Эй! – затеребила его Мариша. – Проснитесь! Что вы в самом деле?

Но увы, на этот раз режиссер вырубился основательно и надолго.

– Вот как? – разозлилась Мариша. – Нашел время. Не мог сначала сказать, где мне искать письма этого негодяя, который терроризировал бедную Нинель. Тоже мне верный друг!

Мариша внимательно оглядела режиссера. На нем была лишь светлая рубашка, а пиджак висел на спинке кресла.

– Что же... – пробормотала Мариша, осторожно переступая через режиссера и крадучись двигаясь в сторону пиджака. – Полагаю, что он мне простит эту небольшую вольность. Думаю, он бы и сам с радостью мне помог, но не может.

В пиджаке не оказалось ничего интересного, кроме бумажника с несколькими дисконтными картами, пластиковой «Визой» и наличными в размере пяти тысяч рублей с копейками. Мариша уже хотела отложить бумажник в сторону, но тут ее пальцы наткнулись на какую-то выпуклость. Повертев

бумажник перед глазами, Мариша поддела своим тщательно обпиленным ноготком отделение. Показался кончик прозрачного пластикового пакетика. Поташив за уголок, Мариша извлекла на свет божий весь маленький пакетик с белым порошком.

– Вряд ли это сахарная пудра, – рассудила Мариша и укоризненно глянула на посапывающего режиссера. – Такой мяляга, а нюхаешь всякую дрянь! И не стыдно тебе!

Столпов в ответ издал носом тоненькую трель, зачмокал губами и перевернулся на другой бок. Покачав головой, Мариша засунула пакетик к себе в сумку, решив, что с этой пагубной привычкой ее нового знакомого надобно бороться. И начать следует прямо сейчас. Кроме того, в карманах пиджака обнаружилась связка ключей от дома, а также брелок с ключом от машины режиссера. Их Мариша, тоже не особо задумываясь, присоединила к своему улову.

Следующим предметом, который подвергся тщательному осмотру со стороны Мариши, был мобильный телефон Столпова. К счастью, никакого кода в нем не стояло. Поэтому Мариша быстро переписала в свой телефон номер Климентия.

– Это уже кое-что, – удовлетворенно вздохнула она. – Послушаем, что скажет сам господин банкир о смерти своей любовницы.

Но увы, телефон Климентия не отвечал.

– Ладно, – вздохнула Мариша и посмотрела на режиссера. – Ты вроде бы приглашал меня к себе домой? Что же, я

согласна.

Режиссер сладко почмокал губами, показывая, как он рад. Мариша заперла кабинет, чтобы никто не перехватил у нее пьяненькую добычу, а затем выскользнула в коридор и отправилась на розыски Руслана. Одной было нечего и думать дотащить режиссера до машины. Не говоря уж о том, что она понятия не имела, где проживает последний. Она надеялась, что Руслан прольет свет на этот вопрос.

Его она нашла в компании двух дам бальзаковского возраста – актрис второго плана – и одного смазливового юнца. Руслан был загнан в угол, отход был плотно перекрыт. И все трое кидали на Руслана такие плотоядные взгляды, что Мариша поняла: парня надо немедленно спасать, пока эта троица не сожрала его с потрохами. Бедняга вцепился в Маришу, как утопающий за соломинку.

– Ну и что тебе удалось узнать? – спросила у Руслана Мариша, когда они были вне опасности. – Ты ведь помнишь, у тебя было задание – разузнать как можно больше о Нинель.

– Помню, – отозвался Руслан. – Я и разузнал. А куда мы идем?

– Сейчас отвезем Столпова к нему домой, обобщем его квартиру, прочитаем письма с угрозами, которые получала Нинель. А потом, если повезет, поговорим с господином Климентием, с которым ее связывали романтические чувства вот уже целых пять лет.

– Ну вот, – расстроился Руслан. – Похоже, ты уже и так

все сама знаешь. И про режиссера, и про Климентия. Мои сведения бесполезны.

– Вовсе нет, потом сверим то, что нам удалось узнать. Возможно, будут какие-то расхождения, – снисходительно утешила его Мариша. – И потом, очень опасно брать всю информацию из одного источника. Он может оказаться предвзято настроен, сам неверно информирован или может просто банально врать. Так что твоя работа не пропала даром.

– Ты находишь? – приободрился Руслан. – А где Столпов?

– Тут, – ответила Мариша, отпирая дверь кабинета режиссера.

– Он же пьян в дымину! – удивился Руслан, увидев дрыгнувшего на полу режиссера и втянув в себя воздух.

– Переживает, бедняга, – вздохнула Мариша. – Стресс у него. Ну, бери его под правую руку. А я под левую.

Руслан, Мариша и их пленник вышли из театра. Никто их не остановил. У выхода старичок-охранник лишь снисходительно покачал головой и велел обращаться со Столповым осторожней.

– Такую травму человек перенес, – сокрушенно качая седой головой, проговорил дедок. – Виданное ли это дело, людей убивать!

Загрузив режиссера на кожаные сиденья «Крайслера», Мариша удовлетворенно плюхнулась на переднее сиденье и скомандовала:

– Вези!

Руслан сел за руль и послушно тронул с места. Некоторое время они ехали молча.

– Куда теперь? – наконец нарушил молчание Руслан.

– В каком это смысле – куда? – опешила Мариша, которая как раз в данную минуту размышляла, как приятно, когда в кои-то веки рядом с ней оказался мужчина, на которого можно положиться во всем. – Я думала, ты знаешь дорогу.

– Нет, откуда? – пожал плечами Руслан. – Я никогда не был у него дома. Мы всегда встречались в театре. Я думал, что ты знаешь!

– Да ты что? – возмутилась Мариша, спустившись с небес на землю. – Откуда мне знать? Я порядочная девушка. И вообще, я этого типа сегодня первый раз в жизни увидела.

– Так что же делать? – растерянно спросил Руслан.

– Спроси у кого-нибудь! – ответила Мариша, поняв, что снова все придется брать в свои руки. – Позвони! Есть у тебя чей-нибудь телефон из актеров?

Руслан притормозил и начал названивать по своему телефону. Минут через пятнадцать домашний адрес режиссера был вычислен. Он жил на улице Широкой на Петроградской стороне.

– Надеюсь, у него дома нет злобной сторожевой собаки, – трусливо произнес Руслан.

– Или, что еще хуже, злобной сторожевой экономки или дворецкого, – сказала Мариша, с большим уважением оглядев дом, в котором проживал режиссер.

Дом и в самом деле выглядел внушительно. И судя по его внешнему оформлению, квартиры тут были большие и дорогие. Так что наличие прислуги было вполне реальным. Как она будет обыскивать квартиру режиссера в присутствии прислуги, Мариша пока что не продумала. Но им повезло. Режиссер жил один-одинешенек, если не считать роскошной персидской кошки с серебристой шерстью и пронзительными голубыми глазами.

Она брезгливо обнюхала щиколотки своего хозяина, обтянутые щегольскими шелковыми носками, фыркнула и удалилась, негодуяще помахивая кончиком своего пушистого хвоста. Марише даже стало жаль режиссера. Завтра это животное точно не захочет с ним разговаривать. Еще бы, так скомпрометировать себя и ее в глазах общественности. А еще считается в определенных кругах уважаемым человеком. Просто стыд и позор!

– Куда его? – пропыхтел Руслан, и было непонятно, к кому он обращается, к кошке или к Марише.

Но так как кошка не пожелала принять никакого участия в транспортировке хозяина, то пришлось Марише взять на себя общее руководство. Заглянув в ближайшую дверь, она обнаружила там в глубине вполне сносный диван. И помянула за собой Руслана. Вдвоем они устроили режиссера на диване и переглянулись.

– И что теперь? – спросил у нее Руслан. – Где эти письма? Но Мариша не успела ответить. В этот момент раздал-

ся телефонный звонок. Мариша стояла ближе, она и сняла трубку.

– Ну как? – осведомился у нее хриплый мужской голос. – Ты доволен? Я обещал, что позабочусь об этой жирной твари, и, как видишь, сдержал свое обещание. Ее больше нет! Можешь о ней не беспокоиться. Я все сделал чисто. Он никогда не поймет, что ты от нее просто избавился.

Мариша даже поперхнулась от неожиданности. Вот это номер! Похоже, убийца Примаковой вконец обнаглел и звонит прямо домой к Столпову. И к тому же разговаривает с ним почти как с заказчиком и к тому же – со старым знакомым.

– Что с тобой? – вдруг встревожился собеседник. – Почему ты молчишь? Ты не рад? Но разве не ты столько раз говорил мне, что эта тварь буквально душит тебя? Ой, минутку, у меня тут звонок по второй линии. Подожди!

У Мариши даже челюсть отвисла от удивления. Ну и убийца. Вот это нервы! Звонит, чтобы похвастаться своим кровавым делом и при этом еще думает о том, как бы не упустить звонок по второй линии.

– Кто это? – спросил Руслан, но Мариша только отмахнулась от него.

Через минуту ее собеседник снова появился на линии. Но теперь его голос был далеко не таким самоуверенным. Марише даже показалось, что он сильно расстроен.

– Прости, у меня тут возникли некоторые проблемы, – за-

явил собеседник. – Я еще перезвоню. Пока!

И прежде чем Мариша успела заговорить с ним, в трубке раздались короткие гудки.

– Кто звонил? – повторил свой вопрос Руслан, который за это время уже успел осмотреть ящики письменного стола режиссера.

– Какой-то странный тип, – отозвалась Мариша. – Хвалялся, что это он убил Примакову.

– А откуда он знал, что ты тут?

– Он и не знал, – ответила Мариша. – Он звонил Столпову.

Руслан присвистнул и вопросительно посмотрел на храпящего режиссера, а затем на растерянную Маришу, которая тут же пересказала ему слова звонившего.

– Ну что же, – решил Руслан, – по крайней мере теперь мы знаем, что убийца мужчина и что это не Галя.

– Да, – признала Мариша. – Мне тоже так кажется.

– Жаль, что ты не догадалась дать мне трубку, – продолжил Руслан. – Возможно, я бы узнал голос звонившего. Если этот человек бывал в театре, то вполне вероятно, что я с ним сталкивался.

– Не сообразила, – посетовала Мариша, ругая себя последними словами за недогадливость. – Но все это было так неожиданно. А ведь Столпов клялся и божился, что Примакова была для него всем. Рыдал, убивался, а оказывается, втайне мечтал, чтобы она исчезла!

И они оба укоризненно уставились на храпящего на диване в своих ярких шелковых носках режиссера.

ГЛАВА 4

– А что у тебя за бумаги? – спросила Мариша, когда ей надоело без толку пялиться на дрыхнувшего режиссера, который и не думал просыпаться, каяться в убийстве Нинель и при этом лить слезы раскаяния.

Пока она ждала от режиссера какого-то отклика, Руслан развил бурную деятельность, обыскивая квартиру Столпова. Сейчас он вернулся к Марише, держа в руках какие-то конверты.

– Похоже, это те самые письма, которые получала Нинель, – сообщил Руслан, дрожа от возбуждения. – Во всяком случае, адрес на конвертах ее. И содержание очень подходящее.

– В самом деле? – оживилась Мариша. – Ну хоть в чем-то Столпов меня не обманул. Надо же, это меняет мое мнение о нем в лучшую сторону.

Они с Русланом разделили довольно приличную пачку писем и принялись их читать. Послания были довольно короткими. В каждом всего три-четыре фразы. Но из них становилось совершенно ясно: автор писем добивался, чтобы Нинель оставила банкира. Он требовал этого и угрожал. А его угрозы были весьма конкретны, потому что он прекрасно знал, где и когда, в каких местах бывает Нинель с господином Климентием.

– Тут ей однозначно угрожают смертью, если она не пойдет на разрыв с любовником, – сказала Мариша. – И если она с ним, как мы знаем, не рассталась, то, видимо, этот тип и привел свои угрозы в исполнение. Хм... Раньше я думала, что письма – дело рук ревнивой жены господина Климентия. Но теперь, после этого звонка, я даже и не знаю, что думать.

– Надо бы спросить у самого господина Климентия, что он думает по поводу этих писем, – отозвался Руслан.

– Надо бы, – согласилась Мариша. – Но как же до него добраться? Телефон у него отключен. А домашний адрес мне фиг кто даст.

– Я дам, – произнес Руслан.

– Ты? – приятно поразила его осведомленности Мариша. – Но откуда?

– Мой отец по делам бизнеса хорошо знаком с господином Климентием, – ответил Руслан. – Иначе, как ты думаешь, откуда бы я узнал про этот театр? Господин Климентий буквально бредит театром.

– А точнее сказать, бредит он актрисами, – отозвалась Мариша.

– И ими тоже, – согласился Руслан. – Но где это видано, чтобы театр был без актрис?

– Разве что в Японии, – машинально ответила Мариша. – У них все женские роли традиционно играют мужчины.

– Это их дела! – отмахнулся Руслан. – А у нас без актрис театр немислим. Хотя бы вспомнить Ирину Налиеву или Ва-

лентину Березкину, это же гениальнейшие актрисы нашего времени и бывали у нас на приемах. А к примеру, Наталья Серова...

– Руслан! – перебила его Мариша. – Избавь меня от перечня всех знакомых тебе актрис. Ты говорил, что знаешь телефон этого Климентия?

– Телефон и адрес, – кивнул Руслан. – Поедем к нему? Думаю, он будет признателен, если мы хотим первыми установить отравителя Нинель. А если ему уже что и рассказали, то мы ведь могли об этом не знать. Так что повод для визита у нас с тобой все равно есть. Как ни крути, мы подготовили его к визиту милиции, у которой непременно возникнут вопросы к бывшему любовнику Нинель.

– У Столпова нам делать больше нечего, – отозвалась Мариша. – Этот пьяница до утра все равно ничего нам не скажет. Так что ты прав, поехали к нашему уважаемому банкиру. Кстати, ты не находишь странным, что господин Климентий вчера целый вечер торчал в театре, и конкретно в гримерной Примаковой, а сегодня его вообще там не было?

– И от него ей даже цветов не прислали, – кивнул Руслан. – Я узнавал.

– А их обычно присылали каждый день?

– Ну да, – сказал Руслан. – Если Климентий не мог по каким-то причинам лично приехать, то он присылал Примаковой корзину роскошных алых роз. А если приезжал, то розы привозил с собой.

– Да, очень странно и, я бы даже сказала, подозрительно, что сегодня цветов от него не было, – согласилась Мариша. – Думаешь почему? А если он уже знал, что его цветы бедняжка все равно не успела бы принять, и решил не тратиться понапрасну?

– Не знаю, что и думать, – признался Руслан. – Климентий не похож на человека, способного экономить на розах. А если бы это он задумал ухлопать любовницу, то, напротив, оставил бы ее кончину как можно более торжественно и красиво. Да с него бы случилось рискнуть и прислать ей вместо алых роз черные.

– Он любит эффектные жесты? – задумчиво уточнила Мариша.

– Что да, то да, – ответил Руслан. – Всякая театральщина, эффектные спектакли, театрализованные вечеринки у него в доме проходят с особым блеском. На фейерверки, балы-маскарады, пикники и прочее, что он устраивает в своем доме, рвется весь бомонд. Даже странно, что он стал банкиром. Ему бы больше подошла роль хозяина какой-нибудь небольшой отдельно взятой экзотической страны. И я даже подозреваю, что со временем он свою мечту осуществит. Подкопит еще пару миллионов и купит кусочек земли где-нибудь в райском уголке Тихого океана. Установит там свои порядки и превратит ее в рай для туристов. Он говорил, что всегда мечтал о чем-то подобном. И он...

– Э-эй, ты не удаляйся от нашего дела, – затеребила его

Мариша. – Твои восторги господином Климентием я с удовольствием выслушаю, но только потом. А сейчас нам важно выяснить, хотел ли господин банкир избавиться от своей любовницы или нет. А вовсе не то, чем он собирается заняться в ближайшие десять-пятнадцать лет.

– Ладно, ты ведь запомнила голос звонившего Столпову типа? – вместо ответа пожал плечами Руслан.

– Запомнила.

– Значит, когда мы приедем к Климентию, ты сама поговоришь с ним и решишь: он звонил Столпову или какой-то другой шутник.

Впрочем, вопреки заверениям Руслана о его почти дружеских отношениях с Климентием, добраться до господина банкира оказалось не так-то просто. В городской квартире дворецкий невозмутимо и даже с явным английским акцентом сообщил, что Климентий Михайлович отбыл в свою загородную резиденция. Руслан разговаривал по громкой связи, и Мариша слышала этот диалог своими ушами.

– Слушай, а он всегда такой чопорный? – спросила она у Руслана.

– Насколько я помню, этот дворецкий тот еще типчик, – ответил Руслан. – Климентий выписал его ради потехи из Англии, что вполне в его духе. И, как я слышал, этот дворецкий прямой потомок какого-то лорда.

– И потомку лорда не претит прислуживать в этом доме?

– За те деньги, которые платит ему Климентий? – пора-

зился Руслан. – Ты шутишь? К тому же Климентий время от времени предлагает парню продать ему свое дворянство.

– И что же? – невольно заинтересовалась Мариша, решив про себя, что банкир и в самом деле с большими причудами.

– Пока сделка не состоялась, – отозвался Руслан.

– А куда мы едем? – спохватилась Мариша.

– О! Считай, что хотя бы один раз тебе сегодня повезет! – воскликнул Руслан. – Загородная резиденция господина Климентия сама по себе стоит того, чтобы побывать там.

И он оказался совершенно прав. Обогнув Всеволожск, они вскоре подъехали к красивейшему лесному озеру. Оно было невелико, но красиво, как может быть красива небольшая, но совершенная по форме и блеску жемчужина. Миновав шлагбаум, возле которого сидел охранник и где красовалась гордая надпись – «Частные владения», Руслан с Маришей поехали по выложенной желтым кирпичом дороге, вдоль которой на безупречных газонах стояли в разных позах фигурки гномов, так что получались даже целые крохотные деревеньки.

– Мы попадем в Изумрудный город? – пошутила Мариша.

– Сейчас сама увидишь, – загадочно отозвался Руслан.

Вскоре деревья расступились, и у Мариши захватило дух. Загородный дом господина банкира и в самом деле заслуживал того, чтобы его посетить. Это был не дом и даже не усадьба, а настоящий замок с башенками, изящными балкончиками, колоннами и балюстрадами. Маришино шуточ-

ное предположение попало точно в цель. Дом был выкрашен в светло-зеленый цвет и орнаментирован камнем под малахит. На крыше развевались флажки, а грамотно подобранная подсветка добавляла дому волшебства.

– Какая искусная имитация натурального камня! – восхитилась Мариша. – Издали и не отличить от настоящего малахита.

Руслан кинул на нее странный взгляд и хмыкнул.

– Господин Климентий не терпит подделок, – сказал он. – Ни в чем.

– Что?! – опешила Мариша. – Это все настоящий камень?

– Привезенный с Урала, – заверил ее Руслан. – Тут несколько разных названий, всех их я не помню, но камень настоящий. Можешь мне поверить. Я лично присутствовал, когда эти глыбы сгружали во дворе, а специально выписанные камнетесы начинали его разделять на пластины, чтобы приступить к облицовке стен дома.

Руслана уже встречали. Безупречно вышколенный привратник в бело-зеленой униформе, чем-то напоминающей стиль придворных французского двора времен правления королевы Марии-Антуанетты, провел гостей в дом и торжественно сдал их с рук на руки даме в стильной зеленой одежде, которая ей изумительно шла. Она же провела гостей в каминный зал и там предложила подождать.

– Климентий Михайлович сейчас к вам выйдет, – сказала она на прощание.

Тут же молоденькая девушка вкатила в комнату серверочный столик, на котором стоял чай и легкая закуска. У господина банкира все было так точно рассчитано, что у Мариши даже закралось подозрение, что весь дом нашпигован видеокамерами и обслуга всегда точно знает, когда и что им нужно делать. Во всяком случае, в каминном зале господин банкир появился как раз в тот момент, когда Руслан и Мариша оставили свои чашки. Столик исчез в одних дверях, а хозяин дома синхронно появился в других.

– Руслан! Мальчик мой! – просиял господин Климентий. – Какой неожиданный визит! У тебя что-то случилось?

– У меня? – тупо переспросил Руслан. – Почему у меня должно было что-то случиться?

– Помнится, мы с тобой не договаривались на сегодня о встрече, – подмигнул ему банкир. – И потом, друг мой, ты позвонил мне среди ночи, ничего не объяснил и потребовал, чтобы я принял тебя. А ведь я уже пожилой человек, ночью я предпочитаю спать. Тебе это отлично известно, и все же ты рискнул потревожить меня. Вывод один: тебя что-то сильно припекло.

После этого он неожиданно оказался возле Мариши и взял ее руки в свои. Глаза у банкира были золотисто-карими, и в них плясали веселые чертенята. И Марише показалось, что декольте на ее платье стремительно увеличивается в размерах. словно ткань расплзается под взглядом банкира, как шелк в кислоте. Банкир не торопясь оглядел Мари-

шу, и весь его вид выразил полнейшее одобрение.

Мариша тоже не осталась в долгу, оценив банкира. Ростом он был выше среднего. Фигуру, несмотря на то, что уже явно перешагнул свой полувековой юбилей, он сохранил превосходную. На лице его не было ни морщинки, волосы были небрежно взлохмачены, а на плечах банкира красовался роскошный золотой с зеленым парчовый халат, который, Мариша могла в этом поклясться, надел умышленно, чтобы подчеркнуть неуместность столь позднего визита.

– Кое-что и в самом деле случилось, – подтвердил Руслан. – Но мне кажется, что это скорей должно касаться вас, а не меня.

– Мой мальчик, ради бога, не говори со мной загадками! Ты же прекрасно знаешь, я не одобряю эту манеру! Она отдает вульгарщиной! Впрочем, я рад твоему позднему визиту. Ведь ты привез ко мне обворожительную гостью. Дорогая, вам понравился мой дом?

– Он великолепен! – искренне восхитилась Мариша. – Стоит проехать пост охраны, и сразу попадаешь в сказку.

– Что? Ах, вы это про те фигурки гномиков у въезда? Ну да, вам я признаюсь, как-то мне эта идея показалась занятной. Верно, я был пьян.

И банкир весело расхохотался.

– Но вы, дорогая, еще ничего не видели. Позвольте, я устрою вам небольшую экскурсию по дому. Руслан, ты ведь уже бывал у меня. Так что тебя я с собой не зову. Вряд ли

тебе будет интересно...

– Вам что, до сих пор никто не звонил из театра? – осенило наконец Руслана.

– Кто мне мог звонить? – повернулся к нему Климентий. Марише показалось или банкир все-таки напрягся? Ах, как жаль, что к этому времени он уже выпустил Маришину ладонь из своих рук.

– Нинель Примакова мертва, – быстро произнес Руслан. – А поскольку в театре знали, что вас связывали близкие отношения, то я подумал, что вам уже позвонили.

– Нинель мертва? – отступил на шаг банкир. – Это что, шутка?

– Нет, – покачал головой Руслан. – Разве стал бы я так с вами шутить? Вам что, в самом деле никто не звонил?

– Никто, – отозвался банкир, пребывая в глубокой задумчивости. – Должно быть, никто не хотел повторить печальную участь гонцов Древней Греции, когда принесшего плохую весть просто умерщвляли.

После его слов в огромном зале воцарилось молчание. Мариша нервно огляделась. Кто его знает, что ожидать от этого странного человека? С обычной меркой к нему не подойдешь, это ясно. И в этом огромном доме, ей вдруг так показалось, гонца вполне могла ждать такая участь.

– Но вам это не грозит, – заявил банкир, и Мариша не смогла сдержать невольного вздоха облегчения. – Как она умерла? Сердце?

– Криминалисты еще не определились, – уклончиво ответил Руслан.

– Криминалисты? – нахмурился банкир. – Там что, и милиция была?

– Была. И они склоняются к версии, что это было отравление.

– О боже! – охнул банкир. – Нинель отравили! Какой ужас.

И он поспешно плеснул себе коньяка из бара, устроенного в половине серебряного глобуса. При этом он выглядел испуганным, растерянным, но никак не расстроенным. Что Мариша тут же не преминула отменить.

– Скажите, а почему вас сегодня не было в театре? – решила она задать сакраментальный вопрос. – И цветы вы ей сегодня не прислали.

– Почему вы меня об этом спрашиваете? – внимательно посмотрел на нее Климентий. – И откуда вам известны такие подробности?

– Понимаю, что это прозвучит самонадеянно, но мы с Маришей решили самостоятельно найти и наказать убийцу Нинель, – быстро произнес Руслан, и лицо банкира неожиданно просветлело.

– Вот как! – произнес он. – Что же, дерзай, мой мальчик. Чем бы дитя ни тешилось... Впрочем, может быть, тебе и повезет. Лично я всегда считал, что новичкам везет. И знаешь, я даже готов финансировать ваше расследование.

– Климентий Михайлович, я не нуждаюсь в ваших деньгах, – покачал головой Руслан.

– Знаю, мой мальчик, знаю, – ответил Климентий. – Но все же позволь мне оплатить тебе все расходы по этому делу. Я в самом деле был очень привязан к Нинель. И мне бы очень хотелось, чтобы убийца был найден.

Он сделал большой глоток коньяка и выжидательно посмотрел на своих гостей.

– Спрашивайте, – предложил он им. – У вас же наверняка куча вопросов.

– Мы уже задали вам первый вопрос, – сказала Мариша. – Почему вы сегодня не прислали розы Нинель?

– Дело в том, что причина банальна. Мы с Нинель расстались, – глухо отозвался банкир, сделав еще один глоток коньяка. – И она напрямую заявила, что не примет от меня никаких цветов.

– И давно вы с ней расстались? – удивилась Мариша.

– Вчера, – как ни в чем не бывало, ответил банкир и налил всем в бокал коньяка из бутылки, которую Марише никогда прежде не приходилось видеть, хотя она считала себя неплохим знатоком горячительных напитков всего мира.

– Как же так? – спросил Руслан. – Вы вчера порвали с Примаковой, а никто об этом не знает?

– Мы с ней решили, что останемся в дружеских отношениях, – ответил банкир.

– Вам не кажется, что это довольно странно, – произнесла

Мариша. – Вчера вы рвете с Примаковой, а сегодня ее убивают.

– Вы не поняли, – мягко поправил ее банкир. – Это не я порвал с ней, это она выступила инициатором разрыва.

– А почему? – не удержалась Мариша.

– Это сугубо личный вопрос, но так и быть, раз уж вы ведете расследование, я удовлетворю ваше любопытство, – ответил банкир. – Понимаете, в последнее время Нинель постоянно приходили письма с угрозами в ее адрес. Незнакомый злодей обещал расправиться с ней, если она не прекратит встречаться со мной. И вот вчера она получила особо злобное послание и, будучи в расстроенных чувствах, сообщила мне, что хотя и любит меня, но свою жизнь любит все же больше. Я понял ее. Честно говоря, у меня и у самого мелькала мысль поступить подобным образом. Но я боялся своим предложением обидеть любимую женщину. И инициативы не проявлял.

– А у вас нет никаких подозрений, кто мог быть этим злым шутником? – спросила у него Мариша.

– Я нанял трех детективов, но единственное, что они смогли мне предоставить, – это психологический портрет злоумышленника, который их психологи вывели из его почерка, – ответил банкир. – На бумаге не было никаких отпечатков пальцев, словно письма писались в хирургических перчатках. Бумага была самая простая. Иногда листы, вырванные из школьной тетради, а иногда бралась та, которую

используют для печати на принтере. Конверты тоже самые обычные, отследить их продажу не представлялось возможным.

– Странно, – пожала плечами Мариша. – Этот человек писал в перчатках, но при этом своим собственным почерком. Почему бы ему вообще не воспользоваться компьютером?

– Видимо, он считал, что для милиции важны отпечатки пальцев, – ответил банкир. – И сознательно шел на риск, чтобы Нинель по почерку могла догадаться об авторе посланий.

– Почему?

– Понимаете, – задумался банкир, – когда люди достигают определенной степени известности, им часто приходят письма – от тайных поклонников, от людей, которые пытаются разжалобить богатого человека и получить немного денег, от сумасшедших ученых, от внезапно появившихся родственников, да мало ли... И часто – от разного рода психопатов. Особенно от этого страдают люди, чьи лица часто мелькают на экранах.

– Но Примакова играла в театре, – сказала Мариша.

– У нее была одна роль и в сериале, – произнес банкир. – Каюсь, это я похлопотал, чтобы Нинель туда взяли. Она всегда мечтала сняться в кино. Я договорился, сериал вышел на экраны, и уже через неделю пришло первое письмо с угрозами. А потом они пошли буквально одно за другим. Не было никакого сомнения, что они связаны с появлением Нинель на телеэкране. Нинель очень эмоционально отреагиро-

вала на них. И хотя я пытался ей объяснить, что это бич многих известных людей, но она не успокаивалась. Она даже похудела, побледнела и, как мне стало казаться, подурнела. Я видел, что она не притворяется и не играет, а в самом деле очень напугана. И хотя я много раз повторял ей, что это участь людей популярных, но мои слова ее не успокаивали.

– И вы наняли детективов?

– Нанял, – кивнул банкир. – Так как я чувствовал себя в какой-то мере ответственным за то, что произошло, я их нанял.

– А почему вы не обеспечили охрану Нинель? – спросила Мариша.

– У нее был охранник, – пожал плечами Климентий. – В его обязанности входило всюду сопровождать Нинель. И при необходимости оставаться с ней. Но вчера, после разрыва наших отношений, Нинель окончательно отказалась от его услуг. Она мотивировала это тем, что требование преступника выполнено и теперь ей бояться совершенно нечего.

– Она ошиблась, – горько заметила Мариша. – Как же вы не настояли на продолжении охраны вашей любимой женщины?

– А что я мог сделать? – насупился Климентий, который явно не выносил критики в свой адрес. – Что я мог? Силой обязать своего человека таскаться за ней? К тому же она и раньше говорила, что ощущает дискомфорт от того, что этот урод всюду таскается за ней.

– А что за психологический портрет преступника вам нарисовали ваши детективы? – спросил Руслан, чтобы сменить тему.

– Видите ли, – замялся банкир. – Если быть совсем точным, то портретов было несколько.

– А! Понятно! Каждый детектив представил версию своего психолога, – догадалась Мариша.

– Не совсем, – отозвался банкир. – Понимаете, все эти письма с угрозами, которые получала Нинель, были написаны разными людьми.

– Что? – опешила Мариша. – Как это?

– Так, почерк в каждом письме был разный, – ответил банкир.

– Но Столпов говорил, что Нинель показывала ему письма и утверждала, что не узнает почерк.

– Это было самое первое письмо, – кивнул головой банкир. – А дальше они пошли одно за другим. Всего, как я знаю, было три отправителя. И судя по тому, что эксперты сказали о почерках, авторами были двое мужчин и женщина.

– И что, все трое присылали угрозы в адрес Примаковой с требованиями, чтобы она прекратила с вами встречаться? – уныло спросила Мариша. – И все трое действовали в перчатках?

Было от чего приуныть. Подозреваемых в этом деле оказывалось гораздо больше, чем они предполагали. Ну, допустим, одна – жена Климентия Михайловича, а письмо под-

говорила написать подругу, поэтому и почерк Климентию незнаком. Но кто мужчины? Им-то что за дело, с кем встречается Нинель? Отставленные любовники? Брошенные мужья?

– В общих чертах они все настаивали на нашем разрыве, – ответил Климентий Михайлович. – Это и было основной темой всех писем.

– И вы думаете, что Примакова догадывалась, кто были эти люди?

– Это лишь мое предположение, – пожал плечами банкир. – Она могла их знать. Но мое мнение не подкреплено никакими доказательствами. Сама Нинель всегда отрицала, что знает этих людей или хотя бы подозревает, кто это может быть.

– Если они использовали при написании писем перчатки, значит, их отпечатки пальцев имелись в базе данных милиции или даже ФСБ, – произнес Руслан.

– Справедливо, мой мальчик, – кивнул Климентий. – Мне тоже пришла в голову такая мысль. Мы проверили всех знакомых Нинель, кто, по ее словам, имел криминальное прошлое или хотя бы раз сталкивался с милицией.

– И что?

– Полный ноль, – ответил Климентий. – Разумеется, она могла не знать всей подноготной своих знакомых.

– Конечно, – согласился Руслан. – Нинель общалась с большим количеством народа.

– Вот именно, всех было просто физически не отследить, – ответил банкир. – Господи, просто не верится, что Нинель больше нет. Как это ужасно! Выходит, эти злодеи все же добились своего! И даже не помогло, что мы расстались. Могли бы и не расставаться.

– Скажите, а вы сами кого-нибудь подозреваете? – спросила Мариша.

– Кого я могу подозревать? – моментально перестал убиваться Климентий.

– Например, хм... вашу жену.

Минуту банкир молча смотрел на Маришу. А потом решительно покачал головой.

– Нет!

– Почему вы так уверены? – спросила Мариша.

– Моей жене абсолютно все равно, с кем я провожу свое время, – ответил банкир.

– В самом деле?

– Вижу, что с вас станется начать копать в этом направлении, – сказал Климентий. – И чтобы избавить вас от лишней работы, я сразу вам скажу: моя жена предпочитает в любви женщин.

– Она... что?

– Это самое, – сердито буркнул банкир. – Так что ревновать меня она бы никогда не стала. Тем более что наши отношения с Нинель ни в коей мере не наносили статусу моей жены ущерба. У нас с ней раздельное проживание. И наш брак

держится исключительно на владении нашим общим капиталом. Грубо говоря, я лишь выполняю роль управляющего ее финансами, доставшимися ей по наследству. Пока мы вместе, эти деньги находятся в моем распоряжении, но я обязан предоставлять ей отчет по первому ее требованию. Когда мы вступили в брак, то оба знали, что это всего лишь финансовая сделка, которая выгодна нашим семействам. Со временем мы научились уважать маленькие прихоти и слабости друг друга. И как это ни парадоксально звучит, мы с Алекс отлично ладим. Особенно с тех пор, как живем отдельно. Но в наших отношениях нет места ревности и никогда не было, – немного подумав, добавил он.

– Скажите, а где вы встречались с Нинель?

– Где? У нее дома, разумеется! К себе в дом я не привожу посторонних женщин. Положение не позволяет.

– Климентий Михайлович, а не могла ли отравить Нинель какая-нибудь из ваших случайных пассий? – произнес Руслан. – Уверен, их у вас было немало.

– Ах ты, льстец! – погрозил ему пальцем банкир.

Но быстро сделал серьезное лицо и притворился, что перебирает в памяти всех своих женщин. «Хотя, кто его знает, – подумала Мариша, – вполне может быть, что и в самом деле перебирает, вспоминает».

– Нет, не думаю, – отозвался наконец банкир. – Именно потому, что их было немало, я и не считаю, что кто-то из них решился бы на столь серьезный поступок.

Мариша отметила, что имен банкир не назвал.

– Ни с кем из этих девушек меня не связывает крепкая привязанность, – продолжал тем временем банкир. – Это все бабочки-однодневки. И они отлично сознают это.

Мариша даже поморщилась от подобной мужской наивности. Надо же! Да ни одна женщина не признается даже самой себе, что ей отведена подобная роль.

– А случайно кто-то из этих бабочек не играет ли в том же театре, что и Нинель? – спросила она.

– Ну, играет, – хмуро отозвался банкир. – И что с того?

Нет, просто не верится, куда девается разум у некоторых особей мужского пола. Присылать ежедневно по охапке алых роз, и все это на глазах отставленной «однодневки»! Просто уму непостижимо, о чем он думал! Даже трудно себе представить, какой чудовищный коктейль из зависти, ненависти и желания отомстить бурлил в груди этой опальной девушки. Хотя лично сама Мариша, оказись она в такой ситуации, предпочла бы прикончить истинного виновника своего унижения – Климентия, а вовсе не счастливую соперницу.

– Как знать, – произнес Руслан, словно прочтя мысли Мариши. – Возможно, эта девушка не оставила идеи занять в вашей жизни место Нинель. И если для этого требовалось устранить соперницу, то она вполне могла пойти на такой шаг.

– Чушь! Мы встречались с этой девушкой всего несколько раз! – воскликнул банкир. – У нее и мысли не должно было

возникнуть, что она сумеет заменить мне Нинель. Бред!

– Она была молода? Красива?

– Недурна и моложе Нинель, – пробормотал банкир.

– Так с чего же ей думать, что она чем-то хуже? – пожалала плечами Мариша. – Напротив, все козыри были у нее на руках. Молодость, красота и ваше внимание. Оставалось только устранить соперницу, и...

– Одним словом, вы сами все понимаете, – перебил ее Руслан. – Как имя этой девушки?

– Что же, вы ведь все равно от меня не отстанете, – вздохнул Климентий. – И хотя я уверен, что она не имеет никакого отношения к смерти Нинель, но так и быть... Ее звали Галина. Галина Розова. Вы с ней знакомы?

Если бы земля разошлась у Мариши под ногами, она была бы меньше изумлена. Ее милая знакомая, оказывается, помимо улики в кармане своего пальто, еще имела и веский повод желать смерти Нинель. И дело тут не только в пресловутой роли, которую Нинель не давала ей играть. Она, ко всему прочему, стояла между Галиной и сказочно богатым, влиятельным любовником и просто интересным мужчиной. К чести Мариши, она ни на миг не усомнилась, что Галина к убийству Нинель рук не прикладывала. Но как убедить в этом официальное следствие? Если выплывет, что Галина была любовницей Климентия, то ее судьба решена. Вон и Руслан уже вытаращил глаза и явно разочарован. Считает, глупенький, что их самостоятельное расследование уже за-

вершилось, не успев даже толком начаться.

– Все не так просто, – произнесла Мариша, обращаясь к Руслану. – Галина не убивала Нинель.

– Ты так говоришь, потому что Галина твоя подруга, – возразил он.

– Вовсе нет! Просто я знаю Галину. И я тебе уже говорила, что она далеко не дура. И если бы задумала прикончить Нинель, то позаботилась бы о том, чтобы не попасться так глупо с этой баночкой с отравленным кремом.

– В креме содержался яд? – спросил у них Климентий.

– Так предполагают эксперты, – сказал Руслан.

– Ужасно! – охнул банкир. – Поверить не могу, Нинель... Моя девочка! Еще вчера блистала и лучилась жизнью, а сегодня ее уже нет на свете. Какой удар!

Мариша с изумлением смотрела на неожиданно расчувствовавшегося банкира. В начале разговора он с куда большей стойкостью воспринял печальное известие.

– Ниночка! – пьяно всхлипнул банкир, и Мариша поняла, что это уже говорит коньяк.

И что за манера у любовников актрисы поминать ее коньяком? Просто наваждение какое-то. Сначала режиссер, теперь Климентий, может быть, еще кто-то. А что, это идея!

– Скажите, а Нинель вам не изменяла?

– Ниночка? – всхлипнул банкир. – Никогда! Она была такой прекрасной женщиной! Прекрасной! Самой прекрасной. Рас-спр-прекрасной! – нараспев закончил он с поистине непо-

колебимой уверенностью.

В это время в каминном зале появился вышколенный камердинер, который ненавязчиво, но властно приготовился транспортировать нализовавшегося банкира в кроватку. Руслан с Маришей поняли, что им следует откланяться. Попросив камердинера передать утром банкиру, если он вдруг вспомнит что-то еще важное для расследования убийства, чтобы он им перезвонил, они покинули сказочный малахитовый дом.

– И что ты теперь думаешь? – спросил у Мариши Руслан, когда они сели в его «Крайслер» и выехали из частных владений банкира.

– Могу лишь еще раз повторить тебе, что уже говорила сегодня. Никогда не следует полностью полагаться на слова только одного из подозреваемых, – сказала Мариша.

– Так банкир у тебя проходит по спискам подозреваемых?

– А что такого? Между прочим, любовники стоят на втором месте по частоте убийств. Обойти их удалось только мужьям несчастных жертв. Те прочно лидируют.

– Но ты же сама слышала, он расстался с Нинель очень мирно и дружески.

– Это он так говорит! Не мешало бы послушать, как было на самом деле. И как ни крути, он вчера был в ее гримерной и мог после спектакля подменить крем на отравленный. А затем заглянуть в гримерку к Галине, так сказать, по старой памяти. И подбросить ей аналогичную баночку.

– Но почему ты думаешь, что он нам лжет, а на самом деле хотел бы видеть Нинель мертвой? – воскликнул Руслан.

– А с какой стати ему почти пять лет крутиться возле толстой и стареющей Нинель, когда к его услугам была целая стайка молоденьких, ярких и талантливых женщин, готовых ради него буквально на все?

– Так ведь любовь...

– Ха! Даже три ха-ха! Ты бы сам-то добровольно стал держать в любовницах бездарную рыхлую особу не первой свежести?

– Разумеется, если бы у меня был выбор, то я бы призадумался.

– Вот именно! Да они даже рядом не смотрелись! Он подтянутый, холеный, так и источающий аромат денег. Она тоже очень неплохо сохранилась, но годы... Годы берут свое. И опять же порода... А у Нинель полное ее отсутствие. Нет, что ты мне ни говори, а Нинель вовсе не та женщина, которая могла бы вскружить голову банкиру.

– Так ты думаешь, что это он дал ей вчера отставку? Она возражала, угрожала, и он решился на убийство? Так?

Руслан даже затрясся от волнения.

– Для начала я бы хотела знать, как Нинель удавалось удерживать его рядом с собой все эти годы, – сказала в ответ Мариша и задумчиво нахмурила брови.

ГЛАВА 5

За ответом на этот вопрос новые компаньоны решили завтра же с утра поехать на квартиру самой Примаковой.

– Ключи можно раздобыть у режиссера, – произнес Руслан, продумывая завтрашний взлом квартиры убитой актрисы. – Все в театре говорили, что он к ней частенько заходил. Так что ключи наверняка у него имелись.

– И еще надо у него спросить, что за тип звонил ему ночью и хвастался, что замочил Примакову? Теперь я точно знаю, что это был не Климентий. Голос совершенно не его.

– Я рад, – признался Руслан.

– Рад? – удивилась Мариша.

– Если честно, то не хотел бы я вступить в противоборство с таким человеком. Вздумай мы заявить, что это он убил свою любовницу, и предъяви этому доказательства, то даже мой папа нас бы не сумел защитить. Ты как хочешь, а Климентия лучше иметь в союзниках.

– Это уж как получится. И я вовсе не утверждаю, что он непричастен к смерти Нинель, – тут же огорчила Руслана Мариша. – Просто говорю, что ночью режиссеру звонил не он. Но Климентий сам ведь, наверное, и не стал бы руки марать о банки с кремом, он бы нанял киллера, который за него сделал бы всю грязную работу.

– А потом позвонил, чтобы похвастаться режиссеру?

– Может быть, они ее в складчину заказали, – задумчиво произнесла Мариша.

– Климентий? В складчину? Да что, у него денег, что ли, мало? – возмутился Руслан.

– Ладно, не гоношись, – отмахнулась Мариша. – Поговорим еще с режиссером, и, даст бог, что-то и прояснится. Лучше скажи, как ты думаешь, во сколько заехать за ним, чтобы он уже проснулся, но еще не успел бы удрать?

– Раньше девяти он не проснется, – подумав, ответил Руслан. – А насчет того, чтобы удрать, это вообще вряд ли у него получится.

– Почему?

– Потому что перед уходом я его на всякий случай запер, – лаконично пояснил Руслан, покачав перед глазами Мариши уже знакомой ей связкой ключей от квартиры режиссера.

– Ты молодец! – одобрила его действия Мариша. – А кстати, сейчас сколько уже времени?

Выяснилось, что наручные часы Руслана показывали почти четыре утра.

– Выходит, спать нам с тобой сегодня осталось от силы четыре часа, – вздохнула Мариша. – Даже и не знаю, стоит ли ложиться? Слушай, а поехали-ка мы и в самом деле сразу к режиссеру! Думаю, он будет рад, когда утром обнаружит нас в своей квартире.

Насчет этого Руслан своего четкого мнения не имел. Его тревожили вопросы другого плана.

– Наверняка менты уже побывали в квартире Нинель, – сказал он. – И, естественно, забрали там все интересное. Так что, может быть, нам нечего туда и ехать. Как ты думаешь, а?

– Ты слишком хорошего мнения о нашей родной милиции, – хмыкнула Мариша. – Во-первых, они не могли забрать с собой соседей Нинель, а соседи являются самым ценным источником информации. А во-вторых, спорю на годовой запас бензина для твоей роскошной прожорливой дрезины против скромных запросов моего «фордика», что менты даже и не почесались. Да и с чего бы им туда тащиться? Само убийство ведь произошло в театре. Там они и опрашивали свидетелей. К тому же у них сразу же появилась вполне подходящая козочка отпущения – наша Галина. Так к чему им тратить лишние силы, бензин и опрашивать соседей Нинель? Дело и так уже, считай, раскрыто.

– Пожалуй, я поостерегусь с тобой спорить, – улыбнулся в ответ Руслан. – Ты та еще штучка. Кто тебя знает, сколько километров ты намотаешь на своем «фордике». А мне платить! Нет уж!

– Не думала, что ты такой жмот, – притворно надулась Мариша. – Как печально разочаровываться в людях.

Так, шутливо бранясь, они доехали до дома режиссера. Спать им обоим совершенно не хотелось. Но пережитый за сегодняшний день стресс начал давать о себе знать.

– Я бы сейчас выпил чего-нибудь крепкого, – сказал Руслан, когда дом режиссера показался впереди. – Ты как?

– Я тоже! – призналась Мариша, втайне мечтая о паре-тройке глоточков коньяка.

И она ничуть не удивилась, когда и Руслан предложил именно этот напиток. Что делать, видимо, у Нинель была такая уж планида, что ей было суждено, чтобы все знакомые поминали ее именно коньяком. В конце концов, это не такой уж плохой напиток. Все лучше, чем сивушная водка. Руслан купил вполне приличный армянский коньяк, лучше в этом ночном магазине все равно ничего не было. И они распили всю бутылку прямо в машине из пластиковых одноразовых стаканчиков, закусывая маленькими шоколадками и бананами.

Марише казалось, что коньяк не произвел на нее никакого действия. Но, выбираясь из теплого салона, она неожиданно почувствовала, как весь мир перевернулся у нее перед глазами. А затем она обнаружила перед своим носом ботинки Руслана.

– Нельзя же так напиваться со стакана коньяка, – укорил он ее, мягко придавая Марише вертикальное положение.

Но удержать ее в таком положении оказалось задачей не из легких. В конце концов Руслан прислонил ее к машине, а затем взгромоздил на себя и потащил домой к режиссеру. Охранник на входе ничего не сказал, явно признав Руслана и Маришу.

– Ой, напилася я пьяна-а, – начала каяться Мариша примерно на уровне второго этажа, когда они с Русланом подни-

мались в лифте, и с твердой уверенностью закончила: – Не дойти мне до дому-у-у!

– Тише! – попробовал призвать ее к порядку Руслан. – Не буянь! Ты же не к себе идешь. Поимей совесть!

Но плохо он знал Маришу. Она явно приготовилась исполнить весь репертуар знакомых ей песен. Начиная от народных и заканчивая шлягерами подросткового периода. Имелось в виду, ее подросткового периода. Поняв, что спасения для него нет, Руслан сделал единственное, что ему оставалось, – запечатал рот Мариши крепким поцелуем. Неожиданно для себя Мариша ответила. Так, целуясь, они и доехали до квартиры режиссера. Там Мариша слегка протрезвела и, стыдливо хихикнув, покачиваясь, побрела в ванную комнату. Так как ориентировалась она на малознакомой местности плохо, то вместо ванной угодила в спальню режиссера, где мягко горел ночник, выполненный с большой оригинальностью в виде мужского фаллоса.

– Ой! – хихикнула Мариша, увидев неприличный ночник. – Простите!

Она сделала два шага назад и очутилась в коридоре. Тут ей неожиданно пришло в голову, что тел на кровати в спальне целых два.

– Вот, уже в глазах двоится, – посетовала Мариша.

И посмотрела на шкаф, стоящий в холле. Шкаф был один и двоиться не собирался, сколько Мариша на него ни тарщилась. Чтобы еще раз проверить свое состояние, Мари-

ша еще раз заглянула в спальню. В глазах опять раздвоилось. И мало того, одно тело принадлежало режиссеру – было коротеньким и упитанным. А второе принадлежало какому-то довольно симпатичному дядечке, единственным недостатком которого, как могла видеть Мариша, была небольшая лысина. Но его она, пожалуй, даже украшала, придавая вид мыслителя и философа. Решив, что со зрением она разберется завтра, Мариша махнула рукой на водные процедуры, забрела в соседнюю комнату и свалилась на первый попавшийся диван.

Там ее и обнаружил Руслан. Постояв некоторое время над ней, он мечтательно вздохнул и куда-то ушел. Обрато он вернулся с мягким пледом, которым заботливо укутал Маришу. А потом, слегка покачиваясь, подошел к телефону и непослушными пальцами набрал чей-то номер.

– Алло! Ты меня слушаешь? – заплетающимся языком произнес он. – Да, все в порядке. Она со мной. Все под контролем. Мы тут с ней расследуем одно убийство. Пока.

И, больше не слушая возмущенных воплей своей собеседницы, он повесил трубку и побрел спать в соседнюю комнату.

Утро для Мариши началось ужасно. То есть вначале все было очень даже прекрасно. Но стоило ей шевельнуть рукой, как весь ее организм взорвался тысячами иголок. Болело у нее абсолютно все. И вдобавок Маришу изрядно мучило, и у нее так сильно кружилась голова, что стоило ей подняться

с дивана, как она тут же падала обратно.

К тому же она обнаружила, что кто-то снял с нее платье, в котором она вчера была весь вечер и всю суматошную ночь, когда они с Русланом начали свое импровизированное расследование. Сейчас ее вечернее платье висело рядом с ее постелью на спинке стула с аккуратно расправленными складками. Но Мариша что-то сильно сомневалась, что вчера она в ее состоянии могла справиться с такой сложной задачей.

– Руслан! – прохрипела Мариша, понимая, что и голосовые связки отказываются ей служить.

Вместо внятной речи из ее горла вырвался лишь жалкий хрип.

– Кто-нибудь! – простонала Мариша. – Помогите! Умираю!

Но так как на помощь ей никто не пришел, она постаралась как-то справиться с бедой сама. Собрала волю в кулак, поднялась и побрела по квартире, завернувшись в плед. Как и следовало ожидать, она снова забрела в спальню режиссера. Впрочем, на этот раз он там находился один.

– Ясно, померещилось вчера, – пробормотала Мариша, не вполне к тому же уверенная, что вчера вообще заходила сюда, может быть, и это ей всего лишь померещилось.

Махнув рукой, Мариша добрела наконец до ванной комнаты, отвернула холодную воду до упора и, зажмурившись, шагнула под обжигающе ледяные струйки.

– А-а-а-а! – вырвался из ее горла дикий вопль.

В квартире раздался топот ног, а затем дверь в ванную комнату распахнулась, и на пороге возник Руслан. Диким взглядом он обвел стены и потолок, словно ожидая увидеть тут убийцу с окровавленным ножом. Но так и не смог обнаружить ничего, что угрожало бы жизни Мариши. И тогда Руслан сделал то самое, что обычно делает мужчина, когда понимает, что оказался в дураках. Что именно? Да очень просто. Он злится на женщину.

– Что ты орешь? – спросил он у Мариши.

– Пошел вон! – возмутилась она, наконец догадавшись закрыться от него шторкой.

Впрочем, шторка была совсем прозрачной и мало что скрывала. Но Руслану сейчас было не до сексуальных настроений.

– Я думал, с тобой что-то случилось! – укоризненно бросил он, удаляясь из ванной. – Нельзя же так орать! Ненормальная!

Когда Мариша, вытершись насухо, появилась на пороге кухни, ее уже поджидал свежий кофе, разогретые в микроволновке булочки и сливочное масло от жирных финских коров, аппетитно желтевшее сейчас в масленке в форме телепочки.

– А где режиссер? – сделав глоток кофе, спросила Мариша.

– Дрыхнет еще, – ответил Руслан, на аппетит которого, похоже, не повлияли вчерашние возлияния. – Набрался вче-

ра почище нас с тобой. Даже твой вопль его из кровати не вытряхнул. Ни звука, ни стона.

– Может быть, ему плохо? – насторожилась Мариша.

– Ясное дело, что нехорошо! – хохотнул Руслан. – Я сам едва сегодня себя с дивана стащил. Все кости болят, словно на мне мешки возили. Ты не помнишь, ты меня вчера не билла?

– Я? – задумалась Мариша. – А что, было за что?

И так как вопрос со снятым с нее платьем все так же мучил ее, она спросила:

– Руслан, а ты где спал?

– Ты меня обижаешь! – в самом деле оскорбился Руслан. – Ты что, в самом деле думаешь, что мне воспитание позволило бы домогаться беспомощной женщины?

От смущения Мариша сделала еще глоток, потом налила кофе в третью чашку, поставила ее на поднос, прибавила к нему булочку с маслом и поспешно направилась прочь из кухни.

– Это ты кому завтрак потащила? – ревниво осведомился у нее Руслан. – Столпову, что ли?

– Кроме него и нас с тобой, в квартире никого нет.

– Ну ты даешь! – возмутился Руслан. – Я для тебя приготовил, а ты этому толстопузому тащишь! И где справедливость?

Мариша не соизволила ничего ответить. По ее плану режиссера следовало задобрить, чтобы он размяк от свежей

сдобы и выложил все, что знал про убийство Нинели. Такой вот простенький планчик. Но Мариша по личному опыту знала, что с мужиками главное не перемудрить. Существа они простые, по большей части даже примитивные. Сложные ходы могут только все запутать.

Оказавшись перед спальней режиссера, Мариша столкнулась с нелегкой задачей. Как попасть в комнату, если обе руки заняты, а дверь в спальню закрыта? Сначала Мариша пыталась зажать поднос между своим бюстом и стеной, чтобы освободить одну руку. Но, едва не перевернув на себя горячий кофе, плюнула на затею и просто пнула дверь ногой. Потом еще раз и еще. Режиссер не реагировал.

– Завтрак! – заорала Мариша. – Откройте дверь!

Но вместо режиссера из кухни появился Руслан, дожевывая последнюю булочку.

– Ничего-то ты без меня не можешь, – самодовольно заметил он Марише и театральным жестом распахнул перед ней дверь.

Мариша фыркнула и шагнула в комнату. Режиссер по-прежнему спал на кровати. Он свернулся калачиком и дышал так тихо, что его даже слышно не было.

– А ночью-то как храпел! – заметил Руслан. – Даже стены тряслись! Вставайте, господин хороший! Утро уже!

Он плюхнулся на кровать к Столпову и дружески потряс его за выглядывающую из-под одеяла ногу.

– Вот черт! – вскрикнул он, и его словно ветром сдуло с

кровати.

Глаз у него на затылке не было, поэтому он не видел мирно стоящую за его спиной Маришу с подносом в руках и, разумеется, налетел на нее со всего маху. Поднос полетел в одну сторону, Мариша упала навзничь, а сверху ее придавил Руслан. Но опять же в его планах не было и намека на игривость.

– Вот черт! – повторял он, и при этом вид у него было совершенно очумелый. – Вот черт!

– Да в чем дело? – недовольно произнесла Мариша, с трудом спихнув Руслана с себя и приняв на паркете полувертикальное положение. – Ты можешь нормально объяснить? Что ты мечешься? Кофе из-за тебя пролился.

– У него нога... – пробормотал Руслан, с ужасом глядя на постель режиссера. – Потрогай ее.

– Еще чего не хватало! – возмутилась Мариша. – Да за кого ты меня принимаешь? С какой стати мне щупать за пятки малознакомых мужиков?

– Пощупай! – умолял ее Руслан, явно не слыша ее протестов. – Она такая... Такая...

– Вот беда мне с тобой! – вздохнула Мариша. – Что не так у него с ногой?

– Она ледяная! – наконец выпалил Руслан.

Наступило молчание, на протяжении которого каждый обдумывал сложившуюся ситуацию. Мариша думала, что упавший поднос и звон бьющейся посуды должны были бы

как минимум привлечь внимание режиссера, а Руслан мысленно прикидывал, а не показалось ли ему, что нога Столпова холодна как лед. Мариша поднялась с пола первой. Подойдя к кровати режиссера, она откинула покрывало и тут же отшатнулась.

– Что? Что там? – заволновался Руслан. – Он жив?

– Какое там жив, – протянула Мариша. – Похоже, его задушили.

– Ох! – выдохнул Руслан и прижал руку к сердцу. – Ты уверена?

– Или отравили, – засомневалась Мариша.

– Других версий нет? – тоскливо осведомился Руслан. – Зарезали? Может быть, застрелили?

– На тех участках тела, которые правила приличия позволяют мне лицезреть, у него никаких колотых или огнестрельных ран нет, – сказала Мариша.

– Тогда, может быть, сердечный приступ? – с надеждой спросил Руслан.

– Может быть, – согласилась Мариша, хотя в глубине души сильно сомневалась.

А сомнения порождали несколько причин. Во-первых, вчерашнее убийство Примаковой. Во-вторых, уверения самого режиссера, что он здоров как бык и в их роду больных вообще не водится. Конечно, уверял он ее в этом, будучи совершенно пьяным и предлагая завести общего ребеночка. А в-третьих, и это было самое главное, теперь Мариша бы-

ла совершенно уверена, что ночью в спальне режиссера она точно видела какого-то брюнетика с лысинкой. Немного помедлив, она сообщила об этом Руслану.

– Другими словами, когда мы приперлись среди ночи к Столпову, у него в спальне был убийца? – побледнел Руслан. – А мы даже не поняли этого? Просто завалились спать. А ведь мы могли спасти жизнь человека! Но вместо этого мы с тобой позволили убийце закончить свое темное дело и спокойно смыться. Он даже не соизволил прикончить и нас с тобой, видимо, решил, что мы не представляем для него опасности. Стыд и позор! Какие мы после этого с тобой детективы?

– Ты возмущаешься, что убийца не убил и нас за компанию с режиссером? – удивилась Мариша.

– Нет, но он мог хотя бы попытаться! А так я чувствую себя полным ничтожеством, которого даже убивать нечего. Но ты, Мариша, почему ты не подняла тревогу, если увидела ночью в квартире постороннего человека?

– Не знаю, – замялась Мариша. – Он так спокойно спал, уткнувшись в подушку Столпова. Мне даже его лицо толком разглядеть не удалось. Только загорелую лысину. И то, что он был брюнет. А так я подумала, может быть, он друг Столпова. Они давно не виделись, выпили за встречу и за помин души Нинель, потом режиссер рыдал, а этот тип его утешал, да так и заснули на одной кровати. А если честно, – призналась она, – то этот коньяк плохо на меня повлиял. Вся

моя интуиция напрочь улетучилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.